

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

**КРАПЛЕНАЯ
ОБОЙМА**

Сергей Иванович Зверев
Крапленая обойма
Серия «Я – вор в законе»

Текст предоставлен изд-вом "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3373765
Сергей Зверев. Крапленая обойма: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56586-3

Аннотация

Его хорошо знают в узких кругах под кличкой Виртуоз. Он и в самом деле ювелирно работает на ниве частного сыска – разыскивает должников и заставляет их возвратить кредиторам деньги. Обычно все дела у него проходят без сучка и задоринки. Но вот Виртуоз столкнулся с особым случаем. Владелец подпольного казино Хан поручил сыщику разыскать трех человек. Зачем они нужны ему, делец не сообщил. Но всякий раз, когда Виртуоз приближался к цели, объект поиска вдруг падал замертво, сраженный пулей снайпера. Ошеломленный таким поворотом событий, Виртуоз понимает, что кто-то старательно прячет концы в воду. А значит, дело только начинается...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
1	4
2	5
3	7
4	9
5	9
6	13
Глава 2	18
1	18
2	23
3	26
Глава 3	29
1	29
2	31
3	33
4	34
5	40
Глава 4	42
1	42
2	43
3	45
4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Зверев

Крапленая обойма

Часть первая

КЛУБОК

Глава 1

1

Замнач колонии, кругленький, с лисьими глазками розовощекий майор, пожал освобождающимся руки, вручил документы и произнес положенные слова напутствия. В этот день на волю уходили два человека. Один без промедления переступил порог КПП и двинулся в другой мир, с такой любовью называемый свободой. Второй задержался.

– Что будешь делать, сынок?

Вопрос был задан второму в спину. Тот неторопливо обернулся, хотя торопиться ему и нужно было.

Майор, прищурившись, поджав губы, смотрел на него открыто.

Этому второму, покидавшему колонию, едва перевалило за тридцатник, однако морщины и ранняя седина делали его старше лет на пять-семь.

Замнач терпеливо ждал ответа, хотя смутно чувствовал, что такового не получит. А если и получит, то это будет нечто неопределенное, ровным счетом ничего не значащее. Но майор не хотел вот так просто распрощаться с ним. В конце концов в том, что этот человек уходил сейчас, не досидев положенных ему два года, была и заслуга замнача колонии.

– Поедешь к матери? – задал майор новый вопрос, так и не дождавшись ответа на первый.

Но и сейчас круглолицему человеку в форме не суждено было получить ответ.

Освобождающийся смотрел поверх головы майора, в одну точку; казалось, в вонючем прокуренном КПП он обнаружил нечто невидимое, более значимое, чем стоявший напротив собеседник.

– Что молчишь? – не выдержал майор, и лисьи глаза замнача еще больше сузились.

Взгляд человека, к которому майор обращался, не изменил направления, на лице не отразилось никаких эмоций. Однако на этот раз губы разжались:

– У меня осталось мало времени.

Он не кривил душой. Врачи обещали ему самое большое – два месяца. Но он был уверен, что этот максимум ему не протянуть.

– Я знаю, сынок, – голос майора стал помягче. – И не хочу, чтобы ты натворил из-за этого глупостей.

– У меня мало времени, – как некое заклинание повторил он, продолжая сверлить глазами одну точку.

– Езжай к матери, – не без требовательных ноток посоветовал майор и неодобрительно покачал головой. – Она тебя ждет уже восемь лет.

«Точка» неожиданно перестала интересовать его. Глаза медленно переместились на собеседника:

– Сегодня ночью я видел небо. Близко-близко – так, что до него можно было дотронуться рукой. Я пытался это сделать, но...

Он запнулся. Майор растерянно смотрел на него, словно на душевнобольного.

– Мне нужно спешить, – неожиданно закончил он.

– С тобой все в порядке, сынок? – Слова собеседника майору были непонятны; замнач привык к ругани и «затейливым» блатным оборотам своих «подопечных», а заумные с подтекстом выражения его мозг отказывался воспринимать.

– В порядке. Если можно так сказать, – горькая усмешка скользнула у него по лицу.

– Забудь о болезни, мой тебе совет.

– А разве такое возможно? Даже если тебе осталось всего ничего?

Он вновь устремил взгляд вверх головы майора, затем развернулся и двинулся из КПП.

Замнач колонии неодобрительно покачал головой. Но больше останавливать бывшего заключенного не стал.

Оказавшись за красной металлической дверью, он остановился. В тридцати метрах от него, у обочины красовалась темно-красная «Ауди». Из раскрытых задних боковых окон с одной стороны были высунуты женские ноги в туфельках на высоких каблуках, с другой – выглядывала голова смазливой девчонки с сигаретой в зубах. Двое бритоголовых верзил стояли у «Ауди» и обнимали только что «откинувшегося» корефана.

– Мальчики, вы скоро? – подала голос смазливая девчонка, не выпуская из губ сигарету.

– А то, – гаркнул, не оборачиваясь, один из верзил и подмигнул возбужденному встрече «братухе»: – Вишь, сучки, боятся, что замерзнут без работы.

Говоривший подтолкнул отмотавшего срок дружбана к машине.

Через несколько минут «Ауди» взревела мотором, развернулась и устремилась прочь.

Он криво усмехнулся, провожая иномарку взглядом. Его, увы, никто не встречал. Да, собственно, и никто не ждал. Кроме, конечно, матери. Хотя и та вряд ли знала, что он сегодня уже на свободе.

Поддев носком камешек, он двинулся к автобусной остановке.

Сухой летний ветер гнал по немощеной дороге клубы пыли, окурки, обрывки газет и целлофана.

На остановке никого не было. Он знал, что автобус до города придет примерно через час. И здесь что-либо изменить было не в его власти.

2

Двухэтажное кирпичное здание располагалось у въезда в город. Над входной дверью горела лампа, освещающая хмурые лица двоих атлетически сложенных парней, которые стояли лицом друг к другу, курили и о чем-то разговаривали.

Когда из темноты вынырнули три черные, как сама ночь, фигуры, двое у входа в здание лишь успели повернуть головы на донесшийся шорох. Короткая автоматная очередь, заглушенная звукопламенегасителем, отбросила обоих к стене, по которой они осели на крыльцо, разбросав руки и ноги по сторонам. Новая автоматная очередь разнесла на части камеру видеонаблюдения над дверью.

У троих нападавших были приборы ночного видения, наушники и миниатюрные микрофоны. Держа в руках на изготовку короткоствольные автоматы, удлиненные ПБС, тройка подошла к входным дверям.

– Мы у входа, – доложил в микрофон один.

Второй тут же высадил ногой дверь и ринулся внутрь помещения.

– Первый этаж чист, – продолжал докладывать один из нападавших.

В это время со второго этажа, гремя подкованными спецботинками, стали спускаться двое в камуфляжной форме. То, что они бежали, не боясь производить шум, свидетельствовало об их излишней самоуверенности и непрофессионализме.

Автоматные очереди из двух стволов перерезали их тела напополам. Из рук «камуфляжей» выпали пистолеты, а вслед за оружием повалились и тела их хозяев, с грохотом покатились вниз по лестнице и застыли прямо у ног стрелков.

Тройка неторопливо, внимательно окидывая взглядом оперативное пространство, переступила через трупы и двинулась по лестнице вверх.

– Мы на втором этаже.

В самом конце широкого коридора второго этажа тускло горела одна-единственная неоновая лампа.

Они двигались осторожно, стараясь ступать на носки, хотя уже и произвели достаточно шума на первом этаже.

Здесь их уже ждали. Из-за дверей одной из комнат высунулся еще один «камуфляж» с пистолетом. При виде незваных гостей он, не раздумывая, выстрелил. Однако стрелял из рук вон плохо, и пуля, не причинив никому вреда, ушла куда-то в ночь. Вслед за этим раздалась ответная очередь. «Камуфляж» не успел спрятаться. В разные стороны полетели обрывки одежды и капли крови. Тело его рухнуло на пол и застыло.

Двое продолжили движение вперед, держа перед собой автоматы, пальцы напряженно застыли на послушных курках. Третий двигался пятясь, подстраховывая тылы.

В комнате, из которой выскочил незадачливый «камуфляж», находился один человек. С побелевшим от страха лицом он сидел за столом и пытался дозвониться куда-то по сотовому телефону. Пальцы у него дрожали, и он никак не мог нажать на нужные кнопки, отчего попытка позвонить стала для него настоящей пыткой. Он так и не успел набрать номер; в дверном проеме показались ночные визитеры.

Человек в ужасе округлил глаза и под гипнотизирующими зрачками стволов автоматов замахал руками, будто хотел заслониться ими.

– Еще кто есть? – спросил один из ворвавшихся.

Не в силах вымолвить и слова, человек за столом отрицательно замотал головой, продолжая при этом заслонять ладонью свое лицо.

Прозвучал одиночный выстрел. Человека отбросило вместе со стулом к радиатору отопления. Голова ударилась о чугунную секцию, ноги задрались кверху да так и застыли, поддерживаемые сиденьем стула.

– Мы на месте, – проговорил в микрофон появившийся в проеме третий визитер.

У одного из тройки была перекинута через плечо сумка. Этот человек быстро двинулся к сейфу, расположенному в углу помещения.

– Уложишься вовремя? – спросил тот, который постоянно докладывал в микрофон свои действия, когда увидел, что его товарищ внимательно осматривает стальное ребристое колесико сейфа.

– Конечно, – слышалось уверенное в ответ.

Из сумки были извлечены необходимые инструменты: электродрель, сверла, фонендоскоп. Но главным инструментом, конечно, были чуткие пальцы этого человека.

Двое застыли по сторонам от входа в комнату; они поочередно выглядывали в коридор, пока третий колдовал у сейфа.

Если бы снаружи двухэтажного кирпичного здания произошло что-нибудь экстраординарное, им бы тотчас же было сообщено об этом по рации. Однако не следовало исключать и той возможности, что внутри самого здания мог еще кто-то остаться. И хотя по информации, какой они располагали, такого не должно было быть, все же жизнь иногда преподносит невероятные сюрпризы, которые изначально не могли быть предусмотрены самым продуманным

манным планом и которые в самый ответственный момент неожиданно перечеркивали все достигнутые к тому моменту положительные результаты.

До того, как послышался скрежет открываемой дверцы сейфа, прошло ровно двадцать две минуты.

– Мы уложились, – тут же было брошено в эфир.

Говоривший не кривил душой. Они не только уложились, но и сэкономили три минуты.

Человек отошел на шаг от сейфа, словно желая со стороны полюбоваться на плоды своей работы. Один остался у входа в комнату, второй подошел к сейфу и, оглянувшись, деловито бросил:

– Держи сумку.

Говоривший сунул руки внутрь стального чрева – с тем чтобы начать выгребать содержимое. Тот, кто открывал сейф, услужливо придвинул сумку поближе к товарищу.

Через десять минут двое потащили полную, едва застегнувшуюся замком-«молнией» сумку к выходу. Стоявший у двери первым двинулся из комнаты, оглядываясь и водя стволом автомата по сторонам, готовый в любую секунду отразить нападение. Но никаких незапланированных остановок не произошло. Троица благополучно выбралась наружу и устремилась в ночь.

В тридцати метрах от здания их поджидал «БМВ». Едва они подошли к автомобилю, как справа со стороны дороги раздалось урчание моторов приближающихся к ним машин.

– Называется, не ждали, – оглянулся один.

Другой просто ругнулся.

Третий быстро скомандовал:

– Сумку в машину.

Поклажа была брошена на заднее сиденье «БМВ». Тот, кто отдавал приказ, сунул голову в салон и сказал сидевшему за рулем человеку, с которым до этого переговаривался по радио:

– Уезжай. Мы прикроем.

Шум двигателей машин нарастал.

«БМВ» с незажженными фарами плавно тронулся с места и растворился в ночи.

Оставшиеся на месте трое людей переглянулись между собой. И хотя вокруг царил темнота, через приборы ночного видения они могли отлично разглядеть решительные лица друг друга. И они могли отчетливо разглядеть врагов.

3

К ночи ветер перестал, и установилась какая-то тревожная тишина; не было слышно даже шелеста листьев. Природа словно притаилась в ожидании чего-то таинственного. Парило. На небе, затянутом облаками, не было ни луны, ни звездочки. И время как бы застыло перед грозой.

Желтый луч фонаря прорезал темноту, а твердые шаги нарушили установившуюся мертвую тишину. Круглое пятно света уткнулось в разрушенную почти до основания стену здания. Здесь некогда функционировал торфобрикетный завод. Он располагался в нескольких десятках километров от города на довольно обширном пустыре. Ныне предприятие представляло собой сплошь груды бетонных руин, словно после бомбежки.

Он осторожно перебрался через наклоненную пыльную плиту и двинулся дальше, света себе под ноги.

Ничего не изменилось здесь с тех пор, как он попал за колючую проволоку. Как свалка существовала восемь лет назад, так она и по сей день была. Лишь куски бетона почернели, да слой песка увеличился на обломках некогда работавшего в три смены завода.

Он зацепился за прутья арматуры и зло выругался сквозь зубы. Хрустнула под ногой полусгнившая доска. «Нужно ступать здесь поосторожней, – пронеслось у него в голове. – Так можно и провалиться». Он хорошо знал, что внизу были штольни, на дне которых осталось много всяких железяк, и на железяки эти не хотелось напороться.

Но в одну из штолен ему как раз и необходимо было спуститься. Теперь он искал старые ориентиры, по которым можно было определить цель.

Луч фонаря уткнулся в валун. Как тот попал на территорию бывшего завода, было непонятно.

От валуна он стал считать шаги. На четвертом остановился и посветил вперед. Так и есть! Впереди, примерно в метре перед ним, развернулась пустота.

Штольня. Глубиной около трех метров. По боковой стене тянулась металлическая лестница. Он довольно улыбнулся. Ничего не изменилось. Лишь изменился он. Он был уже не тот, что восемь лет назад. Теперь он умирал. Но прежде чем умереть, ему необходимо было сделать очень многое.

Он спустился на дно штольни. Повернул направо и вновь стал считать шаги. Из земли торчали металлические прутья, и он неторопливо их обходил, не сбиваясь со счета. На «десяти» он остановился.

Пятно света переместилось на правую стену и опустилось к полу. У самого дна штольни часть стены была заложена кирпичами. Он положил фонарь на землю так, чтобы луч падал на кирпичную кладку, сбросил с плеча спортивную сумку, достал из нее ломик.

Отсчитав известное ему количество кирпичей, он вытянулся во весь рост и со всего маху ударил в отмеченное место ломиком. Раз. Второй. От третьего удара кирпич ввалился внутрь, оставив на своем месте черную правильной формы дыру.

Он продолжил работать ломиком. Лишь после того, как со своего места были выбиты еще два кирпича, он остановился. Присев на корточки, сунул руку в образовавшееся отверстие и стал шарить в тайнике. Через несколько секунд достал полиэтиленовый сверток. Развернул его. Взвесил на ладони перетянутую резинкой пачку долларов. Он не стал пересчитывать деньги – хорошо знал, что купюр здесь ровно двести. Итого двадцать тысяч. Тайник был, что банк. В течение восьми лет.

Он бросил пачку на дно сумки, предварительно отделив две банкноты, которые сунул в карман брюк. А затем вновь пошарил в тайнике и достал два предмета в кожаных чехлах и полиэтиленовый мешок. В одном чехле лежал оптический прицел, в другом – ствол. В полиэтиленовом пакете – приклад, магазин и более мелкие детали оружия. Все части были от снайперской винтовки.

Восемь лет назад, прежде чем положить это оружие в тайник, он хорошенько смазал все детали. Но восемь лет есть восемь лет. Правда, убедиться в сохранности винтовки он не стал. Сейчас было не время. Он сможет привести оружие в порядок в другом месте.

Он сложил все в сумку, застегнул ее и перекинул через плечо. Больше здесь делать было нечего. Он встал во весь рост, поднял фонарик и двинулся в обратный путь.

Выбравшись из штольни, вдруг почувствовал себя нехорошо; голова стала непривольно клониться набок, ноги свела судорога, и он понял, что к нему начинает подступать очередной приступ. Рухнув тут же на землю, он ощутил, как под ним хрустнула доска. Рука машинально потянулась к карману рубашки, где лежала баночка с таблетками, расширяющими сосуды мозга.

В этот раз он проглотил две таблетки. И успокоенно закрыл глаза. Боль прошла через три минуты. Он облегченно вздохнул, поднялся на ноги и продолжил свой путь.

На небе по-прежнему не было видно ни звездочки. И по-прежнему парило.

4

Молния разорвала небо яркой вспышкой, следом раскатисто прогрохотал гром. На землю обрушились сплошные потоки дождя.

Разрезая темноту светом фар, машина мчалась по извилистой мокрой дороге со скоростью не менее ста километров в час. За рулем сидела женщина. Несмотря на то, что на таком участке дороги, с частыми поворотами, к тому же в дождь, ехать с большой скоростью было совсем не безопасно, женщина не снижала скорости и, крепко вцепившись руками в баранку, продолжала жать на педаль газа.

«Дворники» не справлялись с потоками воды. Видимость все уменьшалась. И в какой-то момент женщине пришлось-таки сбросить скорость. Стрелка спидометра достигла отметки «восемьдесят» и продолжала медленно скользить вниз. Женщина в раздражении прикусила губу и, собрав в кулак всю свою волю, вновь нажала на педаль газа.

До очередного поворота оставалось метров сто, когда показавшаяся неожиданно встречная машина ослепила ее фарами. Женщина невольно сощурила глаза, руки дернули руль в сторону. Она ощутила, как в бок машины что-то ударило, и после этого автомобиль перестал повиноваться.

Пробив заграждение из камней, машина на скорости взлетела в воздух, перевернулась и рухнула на крутой склон глубокого кювета вверх колесами, потом, переворачиваясь, с грохотом покатила вниз.

Перед глазами у женщины все завертелось в невообразимом калейдоскопе. Перепуганная, она уже ничего не понимала. Лишь ощущала страшные удары в лицо, голову, грудь, спину. Сознание, однако, не покидало ее. И она могла чувствовать боль. На миг в мозгу у нее пронеслось, что по лицу ее как будто водят острой бритвой, срезая плоть до кости.

Когда наконец машина прекратила движение и застыла вверх колесами, уткнувшись в дерево, женщина была по-прежнему в сознании. Только боль стала меньше, и появилось ощущение, что ее душа приготовилась покинуть израненное, вмиг налившееся свинцом тело.

Дверца машины сама собой открылась, рука женщины в кровавых подтеках вывалилась наружу и замерла на мокрой земле. Дождь поспешно стал слизывать темно-бурую кровь.

Лицо женщины представляло собой сплошное месиво. Тело удерживалось ремнем безопасности на весу, и капли крови медленно падали вниз на обшивку потолка салона.

Прежде чем потерять сознание, она слышала шаги. Кто-то спускался к ней. И это было последнее, что отметил ее мозг...

5

– Понимаете, доктор, Они везде. На работе в своем кабинете мне приходится закрываться, потому что Они так и норовят забраться ко мне. Свой бумаги я постоянно держу в сейфе. Но мне кажется, Они уже просмотрели то, что Им надо. Дома я поменял замки. Но я не верю, что это поможет. Их это не остановит. Им нужен я.

– Вы говорили, что у вас работает домохозяйка.

– Работала. Я ее выгнал к чертовой матери.

– Почему?

– Она пыталась меня отравить.

– Каким образом?

– Поджарила для меня яичницу и обильно сдобрила ее цианистым калием.

- Вы что, пробовали?
- Ха... Разве я бы сидел сейчас перед вами?
- Откуда в таком случае вы знаете, что она хотела вас отравить?
- Я чувствую яды по запаху.
- Вроде мы с вами вчера пришли к мнению, что ваши страхи беспочвенны.
- Но сегодня ночью произошло невероятное.
- И что же?
- Они пытались ко мне вломиться.
- К вам в квартиру?
- Нет. Я был в загородном доме. Они хотели пролезть через окно. Но я для Них слишком крут. У меня был «Ремингтон», и я пальнул, не раздумывая.
- Не может быть. Вы стреляли?
- А как же, доктор. Ведь Они охотятся за мной и намереваются меня убить. Но меня так просто не возьмешь.
- Кто-нибудь пострадал?
- А что? У меня такое ощущение, доктор, что вы за Них. Или вы один из Них?
- Вы же знаете, что это не так. Разве я не убедил вас в обратном?
- Вроде бы да. Но кто точно знает?
- Вы знаете точно. Так пострадал кто или нет?
- Нет. Утром я никого не обнаружил за домом. А ночью я не выходил проверять. Я не такой дурак.
- Вы звонили в полицию?
- Зачем?
- Послушайте, давайте следовать нашим договоренностям.
- Я и следовал, доктор, пока Они вчера опять не объявились. Вы ведь говорили, что это не может больше повториться.
- И я по-прежнему это утверждаю. Вы ведь обещали мне, что будете находить всему разумное объяснение.
- А разве это не разумное?
- Нет. Не разумное. Давайте так... Вы готовы придерживаться нашего прежнего плана?
- Да, готов, доктор.
- Тогда вы должны забыть об оружии. И больше никогда его не применять.
- Но, доктор, когда кругом одни враги...
- Вы считаете меня своим врагом?
- Вас – нет.
- Вот видите. Получается, не все так плохо.
- Но... Хотя. Может, вы и правы, доктор. Значит, я все еще смогу спастись?
- Если вы будете слушаться меня.
- Я слушаюсь, доктор.
- Расслабьтесь. И немного успокойтесь.

Психотерапевт, или, как теперь модно называть – психоаналитик, Марк Георгиевич Лаврентьев задумчиво смотрел на своего пациента.

Вице-президент крупнейшей компании Фомин Андрей Викторович лежал на кушетке с закрытыми глазами. Это был человек пятидесяти лет, суховатый, подтянутый, с залысинами и с блеклым лицом с обвислыми щеками.

Еще вчера Лаврентьев считал, что его пациент находится на пути к выздоровлению. Но теперь понимал, что ошибся. У пациента уже довольно ясно вырисовывалась начальная стадия шизофрении. И его следовало просто изолировать.

Фомин попал к психотерапевту два месяца назад. Сам президент компании связался с Лаврентьевым и попросил того об этой услуге. Марк Георгиевич считался одним из лучших психоаналитиков столицы.

Фомин методично, уверенно шел к своей заветной цели – к должности президента компании. Его продвижение было настолько ровным, без каких-либо «крутых виражей», что когда этот «крутой вираж» все же случился, он просто не смог справиться «с управлением». Его, словно машину, занесло, закрутило, перевернуло и стопорнуло. Все было гладко, и вдруг... Президентом компании неожиданно стал другой. Со стороны. Варяг, одним словом. Вмешались люди, которые вкладывали в эту компанию деньги, люди, которые неожиданно сделали поворот на сто восемьдесят градусов, миг охладев к нему, хотя до этого относились к нему благосклонно.

Везение, эйфория по поводу прекрасно складывающейся карьеры – и неожиданный удар... Вице-президент, не дотянув совсем немного до вожаемого поста, вдруг увидел Их. Врагов. Оказывается, Они у него были. И Они помешали ему. Эта простая мысль взорвала сознание. Конечно, именно Они помешали ему стать президентом. Он не знал, кто Они конкретно. Но эти Они разом объясняли все превратности его судьбы.

У Фомина началась мания преследования. Он стал запирается на ключ в своем кабинете, сменил секретаршу, все бумаги моментально прятал в сейф, если кто-то пытался с ним встретиться. Он верил, что Они не остановятся на этом. То, что он не стал президентом компании, – только начало. Основная Их цель – убить его. Выведать нужную информацию и убить. Какую нужную – он не знал. Да это уже и не имело значения. Для его заболевшего сознания – не имело.

Он заставил проверить свои телефоны на работе, уверенный в том, что в них установлены «жучки» и что все его телефонные разговоры прослушиваются. Конечно, болезненное состояние неблагоприятно отразилось на работе. Он стал совершать ошибки, путаться в отчетах, а когда ему указывали на это, он объяснял это заговором против него. У него был прекрасный послужной список. Именно поэтому президент компании не стал расставаться с ним, а просто сузил объем его работы, решив дать ему некоторую передышку. Однако этот благородный порыв Фомин воспринял по-своему. Они хотят лишить его работы в компании. Враги хотят «убрать» его из компании.

Через месяц ушла жена, потому как свои страхи он перенес и на дом. Врезал несколько дополнительных замков. Велел жене не приглашать никого в гости и самой никуда не выходить, не подходить к телефону. И ночью, просыпаясь, постоянно поднимал жену и требовал, чтобы она проверила, не открыта ли дверь на балкон, через который Они могли добраться до него, даже несмотря на то, что он жил на шестом этаже. О загородном доме и говорить нечего. Там он вообще не мог спать, прислушивался к малейшему шороху.

Когда президент сказал, что Фомин обязан будет посещать доктора Лаврентьева, тот отнесся к этому как к продолжению заговора. Однако на лечебные сеансы ходил исправно. Даже во всем соглашался с врачом, и Лаврентьев думал, что сумеет подлечить больную психику пациента. Но несколько дней назад понял, что все его старания были напрасны. Пациент ему врал. Фомин соглашался с Лаврентьевым во всем лишь с одной целью – узнать, не принадлежит ли доктор к Ним.

Сомнений у Лаврентьева не осталось. Фомину теперь могли помочь только в психиатрической больнице.

Дверь в кабинет тихонько открылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова секретарши:

– Марк Георгиевич...

Лаврентьев обернулся и нахмурился. Одним из его требований к секретарше было, чтобы ему никто не мешал во время работы с пациентами.

- Очень срочно вас к телефону, – несколько виновато настаивала она.
- Кто? – резко бросил Лаврентьев.
- Катышев.

Брови у психоаналитика сдвинулись к переносице. Катышев был хирургом и заведовал реанимационным отделением одной из столичных больниц. Кроме этого, он был одним из лучших его друзей. И виделись они с ним вчера, а значит, просто так он звонить и настаивать на беседе, зная его привычки, не будет.

- Хорошо. Переключите.

Голова девушки исчезла.

Лаврентьев поднялся со стула, похлопал лежавшего на кушетке Фомина по плечу и мягко произнес:

- Закройте глаза. И постарайтесь ни о чем не думать.

Затем он подошел к своему рабочему столу и поднял трубку телефона.

Новости были неприятными. Лицо психоаналитика побелело, рука задрожала и в какой-то миг едва не выпустила трубку.

Фомин продолжал лежать на кушетке. Как и приказывал доктор – с закрытыми глазами. Ему не было ни до кого дела. Лишь до своей персоны. А в мыслях у него вырисовывались нездоровые планы расправы с Врагами.

Лаврентьев медленно опустил трубку на телефонный аппарат, облизнул пересохшие губы и устало провел ладонью по лбу, как бы пытаясь собраться с мыслями. Несколько минут он стоял, не двигаясь с места, задумчиво, не мигая, глядя в одну точку, а затем подошел к входным дверям, приоткрыл их и позвал секретаршу:

- Алена!

Среднего роста смуглая девушка в джинсах и ситцевой блузке впорхнула в кабинет и лучезарно с едва уловимой грустью сверкнула огромными голубыми глазами.

- Отмени, пожалуйста, все визиты на сегодня. Кому сможешь дозвониться. Кто придет – извинись за меня.

Лаврентьев уже не смотрел на секретаршу. Он подошел к Фомину, который, не меняя положения, продолжал лежать на кушетке:

- Прошу прощения...

Вице-президент открыл глаза.

- Сегодня, к сожалению, мы не сможем продолжить.

Фомин вскинул брови и больше ничем не выразил своего неудовольствия; сел на кушетке, свесив ноги к полу.

- У меня случилось несчастье. Секретарша вас проводит.

Фомин сказал понимающе:

- Они добрались до вас. Я прав?

Лаврентьев болезненно улыбнулся:

- Не будем забегать вперед.

– Не волнуйтесь, доктор, – заговорщицки прошептал пациент. – Я знаю, как с Ними справиться. – И подмигнул.

- Давайте с вами договоримся... – Лаврентьев тяжело вздохнул; меньше всего ему сейчас хотелось думать о сидящем рядом психопате. – Вы мне верите?

- Я думаю, доктор, вы на моей стороне.

– Очень хорошо. Тогда отправляйтесь домой. И никуда не выходите. Ничего не предпринимайте. Я с вами свяжусь, и мы обсудим план наших дальнейших действий. – Психотерапевт обернулся к стоявшей у порога секретарше. – Алена, проводи Андрея Викторовича.

Затем он снял халат, бросил его прямо на стол и двинулся к шкафчику, в котором висела одежда.

6

В палате реанимации стоял устойчивый запах лекарств. На единственной высокой, широкой койке с закрытыми глазами лежал под капельницей человек, до подбородка накрытый одеялом. И лишь по пышным белокурым волосам можно было догадаться, что это женщина. На лицо было просто ужасно смотреть, на нем не осталось ни одного живого места – открытая сплошная рана. А кислородная маска придавала пациентке еще более удручающий вид.

– Боже мой, – едва пошевелил губами Лаврентьев; он стоял в метре от кровати, не в силах подойти к пострадавшей ближе.

– Сотрясение мозга средней тяжести, многочисленные переломы, ссадины. Она еще довольно легко отделалась, судя по тому, что мне рассказали.

Стоявший за спиной у психотерапевта Катышев устало пожал плечами. Хирургу было под сорок. Худощавый, высокий, с черной как смоль бородой клинышом, в белом халате и высоком колпаке.

– А... а что рассказали? – запинаясь, оглянулся Лаврентьев.

– Ее машина сорвалась со склона и кувыркалась до самого дна обрыва. Можешь себе представить...

– Когда ее привезли?

– Сегодня ночью. Но кто она, мы узнали только утром. Вернее, нам это передали из ГИБДД – установили по документам, которые обнаружили в машине.

– Она будет жить?

– Ты имеешь в виду, будет ли она жить в таком виде?

– И это тоже.

– Сейчас она в коме. Стопроцентной гарантии, конечно, тебе никто не даст, но я думаю, что все будет в порядке.

– В порядке? – Лицо у Лаврентьева скривилось.

– Я вызвал Галкина. Помнишь такого?

– Как же. Хирург-пластик.

– Когда мы поднимем твою супругу на ноги, он займется ее личиком. Медицина сейчас делает большие чудеса. Не переживай. Если Бог поможет ей выкарабкаться, все остальное – мелочи.

Лаврентьев, будто загипнотизированный, смотрел на изуродованное лицо жены. Она была красивой женщиной. До катастрофы. Сможет ли вернуться назад красота? Теперь остались лишь пышные белокурые волосы.

– Пойдем, – Катышев приобнял друга за плечи. – Здесь тебе пока нечего делать.

На пороге Лаврентьев задержал хирурга.

– Ты говорил, у нее сотрясение мозга...

– И не спрашивай. Последствия будут ясны, как только она придет в себя.

Они вышли в широкий коридор. Здесь их уже ждали. Среднего роста, широкоплечий, с грубыми чертами лица человек лет тридцати пяти в форме капитана полиции.

– Следователь ГИБДД Смолячков Иван Афанасьевич.

Проницательный взгляд глубоко посаженных серых глаз капитана остановился на психоаналитике. Казалось, хирург его нисколько не интересовал. А вернее, он уже перестал его интересоваться.

– Вы муж потерпевшей? – Глазки-буравчики так и сверлили Лаврентьева.

Тот кивнул.

– Может, хотите поговорить у меня в кабинете? – предложил Катышев.

Смолячков покачал головой:

– Нет, спасибо. Я бы хотел побеседовать наедине.

– Понимаю, – хирург похлопал своего друга по плечу. – Я вас оставлю. И жду тебя у себя.

Катышев сунул руки в карманы халата и неторопливо двинулся прочь по широкому коридору.

– Давайте выйдем на свежий воздух. Не знаю, как на вас, а на меня больничные запахи не очень хорошо действуют.

Не дожидаясь ответа, капитан развернулся и поспешил к выходу. Лаврентьев двинулся следом.

Они прошли через довольно шумный от посетителей вестибюль и, минуя стеклянные двери, выбрались на свежий воздух. После ночной грозы в небе ласково светило солнце. Лаврентьев скинул с себя халат и перебросил его через локоть.

Смолячков спустился по ступенькам крыльца, уселся на свободную скамейку прибольничной аллеи. Психотерапевт постоял в нерешительности пару секунд, а затем последовал примеру капитана.

Смолячков вытащил из кармана форменных брюк пачку сигарет, протянул собеседнику. Лаврентьев отказался:

– Спасибо, не курю.

– Похвально, – буркнул Смолячков, засовывая сигарету в зубы. – А у меня как-то не получается.

– Запишитесь ко мне на прием, – сухо посоветовал Лаврентьев. – Думаю, с вашей пагубной привычкой мы справимся.

Капитан коротко засмеялся. Видимо, такая перспектива показалась ему удачной шуткой.

– Я знаю, где вы работаете, – прикуривая, сказал он. – Психов лечите, да?

– Не только.

Смолячков нахмурился, словно соотнося последнюю фразу психотерапевта с собственной персоной. Он глубоко затянулся, выпустил струю табачного дыма и произнес:

– Ладно. Давайте поговорим о вашей жене.

– А что о ней говорить! Она едва осталась жива.

– Я знаю. Вам врач сообщил уже, что произошло?

– Она падала в машине с крутого склона.

– Совершенно верно. Ночью шел ливень. Было скользко. Она ехала по опасному участку дороги с большой скоростью.

– К чему вы клоните?

– Дело в том, что она не просто скатилась по склону.

Лаврентьев изумленно посмотрел на собеседника. Что-то в тоне капитана ему не понравилось.

– Что значит – не просто?

– Прежде чем сорваться, она столкнулась с машиной, которая ехала навстречу.

– О боже!

– Именно. Две машины столкнулись. И если ваша жена осталась жива, то...

– То?!

– То водителю другой не так повезло.

Этого еще не хватало! Лаврентьев почувствовал, что у него помимо воли нарастает неприязнь к сидящему рядом человеку. Хотя тот как будто ничем его не обидел.

– Погиб? – психотерапевт вздрогнул от собственного вопроса.

– Точно. Моментальная смерть. Так констатировали медэксперты. Слава богу, что других пассажиров не было.

Лаврентьев задумался, а затем, неожиданно решив, что понимает, куда клонит следователь ГИБДД, выдал свое умозаключение:

– Вы вините в аварии мою жену?

– Мы разбираемся в этом, – уклончиво ответил Смолячков. – Дело в том, что и вторая машина двигалась с нарушением скоростного режима.

– То есть в столкновении виновата не только моя жена?

– Вопрос в другом.

– В чем?

– Отчего произошло столкновение, – Смолячков проговорил это, как бы напуская на себя загадочность.

– Что значит – отчего? Вы же говорили, шел ливень и дорога была скользкой.

– Да, конечно, – как ни в чем не бывало усмехнулся капитан.

– Вы можете говорить без неуместных намеков? – не выдержал Лаврентьев.

– Скажите, ваша жена хорошо водит машину? – капитан словно не замечал неудовольствия собеседника.

– Довольно неплохо. Она уже восемь лет за рулем.

– Да, я просмотрел ее личную карточку водителя. Просто хотелось услышать от вас. А то ведь как бывает: права выданы десять лет назад, а человек за руль эти годы даже не садился, а если и сел, то проездил едва несколько месяцев, а там – и забыл, что такое машина.

– Права моя жена получила сама. Я ей их не покупал, если вы это имеете в виду.

– Нет, я о другом, – капитан покачал головой. – Она хорошо разбирается в машинах?

– В смысле марок или ремонта?

– Последнее.

– Как и все женщины, – отрезал психотерапевт.

– Понятно. Значит, слабенько. А если точнее – никак.

– Для ремонта машин у нас существуют профессиональные мастера.

– Согласен.

– Послушайте, к чему вы клоните? У меня выдался сегодня не лучший день. Моя жена в тяжелом состоянии. На работе не слишком хорошо...

– О вашей работе я не собираюсь ничего расспрашивать, – перебил капитан. – Меня интересует лишь дорожно-транспортное происшествие и его причины.

– А мне уже кажется, что вас интересует не только это.

– Могу вас заверить, только это. Лишней работы мне не нужно... Так вернемся к машине, на которой ехала ваша жена. «Фольксваген Пассат» две тысячи шестого года выпуска, правильно?

– Да.

– Техосмотр пройден в прошлом году. На этой машине ездит только ваша жена? Или вы тоже?

– У меня есть своя. Думаю, вам об этом уже известно.

– Да. Но вопрос прежний: на «Фольксвагене» ездит только ваша жена?

– В основном. Пару раз моя машина барахлила, пришлось взять у жены, чтобы добраться до работы.

– И за состоянием своей машины жена тоже следит сама?

– Она не следит. Я уже говорил. Как все женщины, она ездит, пока машина на ходу. Когда же ломается, она вызывает мастера или сама отправляется в мастерскую.

– Когда в последний раз машина была в ремонте?

– Не знаю. Не помню.

– То есть давно?
– Давно. Машина не такая уж старая.
– Согласен. Пять лет – это не срок для «Фольксвагена». А вы как? Разбираетесь в машинах?

– Могу констатировать, к своему прискорбию, – как и жена.
– Ага. Ездите, пока машина на ходу. Так, да?
– Совершенно верно.
– Значит, можно смело говорить, что к машине жены вы тоже не притрагивались давненько? Я имею в виду ремонт.

– Я и к своей в этом смысле не притрагивался давненько, не то что к машине жены. Да и зачем, если она была на ходу? – с некоторым удивлением спросил психоаналитик.

– А вот тут некоторая неувязочка. При осмотре «Фольксвагена» был обнаружен небольшой дефектик.

– Какой еще дефектик?

– У машины вашей жены не работали тормоза.

Лаврентьев почувствовал подступивший к горлу комок. Казалось, ничто так не могло взволновать его, как эта новость.

– Вы... – запинаясь проговорил он. – Вы ничего не путаете?

– Хотелось бы. Но, к сожалению, факт остается фактом.

– А может, тормоза вышли из строя во время падения?

– Боюсь вас и в этом разочаровать. Эксперты утверждают, что тормоза были выведены из строя до аварии.

– Как это выведены? – Лаврентьев подпрыгнул на скамейке.

Капитан хмыкнул, затушил окурок о каблук и довольно улыбнулся.

– Пока идет следствие, – обтекаемо заметил он. – Но сами понимаете, смерть есть смерть. И во всем необходимо разобраться.

– А не слишком ли вы преувеличиваете? На скользкой дороге все может произойти, даже с асами.

– Допускаю. Но асы не выезжают с неработающими тормозами. Даже в сухую погоду.

Лаврентьев вдруг почувствовал, что на душе у него стало совсем плохо. Словно это не супруга попала в аварию, а он сам. И еще эта двусмысленность тона капитана...

– Вижу, я вас сильно огорчил. Но такая уж у меня работа.

Лаврентьев вновь промолчал. Его не интересовала, какая «такая» работа у капитана. Плевать ему было на нее.

– Скажите-ка, – не отступал Смолячков, – а что ваша жена делала в середине ночи в такую погоду вдали от города?

Ну уж это капитану совсем не нужно знать. Совсем не нужно...

Лаврентьев хмуро и демонстративно отвернулся.

– Понимаю. Это не мое дело, – Смолячков поднялся. – Чудно устроена жизнь, знаете ли, – философски подметил он, любясь носками своих ботинок. – Две машины сталкиваются. Одна, вашей жены, катится по склону, врезается в дерево и... И все. Другая – бум. Взрывается и разлетается на части. Интересно, да? «Фольксваген» вашей жены можно осмотреть, а вот вторую машину... Бессмысленно. Незачем копаться в обгоревших, искореженных взрывом обломках.

Смолячков замолчал и как-то странно, словно увидел нечто удивительное, взглянул на психотерапевта.

Лаврентьев напрягся, поднял глаза на капитана и неуверенно переспросил:

– Другая машина взорвалась?

Смолячков, проницательно глядя на собеседника, кивнул.

– И вы хотите сказать, что если одна машина взорвалась, то и другую должна была постигнуть та же участь?

Губы у капитана скривились в недоброй улыбке.

– Не нужно преувеличивать, – хмуро произнес он. – Вы не оставите свои координаты, чтобы я смог вас найти, если вдруг у меня возникнут к вам дополнительные вопросы?

Лаврентьев поднялся со скамейки, порылся в кармане пиджака, вытащил визитку и протянул ее капитану:

– Пожалуйста. Здесь мои телефоны: рабочий и домашний. Звоните в любое время.

Смолячков зажал визитку в руке, кивнул и, развернувшись, побрел по аллее к выходу с территории больницы.

Лаврентьев продолжал стоять на месте и смотреть вслед удаляющемуся следователю ГИБДД.

Он ничего не понимал. Слова капитана просто выбили его из колеи. Он знал, куда направлялась ночью его жена. Но ничего такого с ней не должно было произойти. Во всяком случае, не сейчас. А теперь получается, что его план нарушен. Кем-то нарушен...

Лаврентьев вздрогнул, будто ощутил невидимое присутствие этого кого-то.

Глава 2

1

Нет, все-таки мешать напитки препаскудное дело. В особенности когда пьешь лошадиными дозами. Хотя я не отношу себя к тому сорту людей, которые злоупотребляют спиртным, но иногда, что называется, соскакиваю с тормозов. Вот и вчера. В принципе повод был. Я получил гонорар и, понятное дело, решил немного расслабиться. А тут и две подружки, черт бы их побрал, подвернулись. С утра уже искали, с кем бы повеселиться, и, ясное дело, не за свой счет. Что ж, от некоторой суммы наличности я готов был избавиться.

Кабак помню. Еще что помню? Что начали мы с шампанского. Потом пошла водка. Затем коньяк. После... Черт его знает, но эти сучки, кажется, заказывали еще вино. Заразы. Лошадь легче упоить, чем их.

Что было после кабака – тяжело. Ну просто тяжело. Прямо одуреть можно. Мои подружки, конечно, привезли меня ко мне домой. Тем более что им это уже не впервой. Живу я один в однокомнатной квартире. Что эти стервы со мной вытворяли, можно только догадываться. Потому как вырубился я, еще не дойдя до своего дома. И, если честно, вообще не пойму, когда все произошло. Но не это главное. Главное случилось тогда, когда я проснулся на следующее утро. А вернее, меня подняли, ткнув чем-то тяжелым в бок. Ну, я почувствовал удар лишь один раз, а сколько их на самом деле было, прежде чем я соизволил открыть глаза, – это уж мне не известно.

Я приоткрыл глаза самую малость, и тоскливо, как тот обиженный одинокий волк, застонал. Черт побери, но просыпаться мне не хотелось. Кто бы меня и для чего ни пытался разбудить.

– Может, ему яйца плоскогубцами сжать, чтобы он наконец очухался? – донесся до меня довольно грубый голос.

Я очумело уставился перед собой. Это еще что за умники? Во мне разыграл протест обиженного человека. Я дернул рукой, намереваясь, несмотря на свое небойцовское состояние, врезать нахалу, осмелившемуся мне дерзить, как тут же почувствовал, что не могу двигать своими верхними конечностями, их что-то крепко держало. Или кто-то.

Сон вмиг улетучился. Как человек, который часто встречается с неприятностями, я напрягся и широко открыл глаза. Очень широко. Чтобы как следует рассмотреть тех, кто так бесцеремонно со мной обращался.

Их было трое. Двое в брюках и рубашках с коротким рукавом, третий – в спортивном костюме.

Тот, кто стоял ближе ко мне, был чуть выше среднего роста, с отвратительной внешностью; одни колючие маленькие глазки, недружелюбно глядящие исподлобья, чего стоили! Двое других были несколько крупнее своего спутника. Один, что был в спортивном костюме, имел вид боксера; приплюснутый нос – характерный признак именно этой категории людей; второй был либо грузин, либо армянин; больше о нем мне сказать нечего.

– Что, веселенькая ночька выдалась?

Колючие глазки как-то магически блеснули.

Я насупилсЯ. И только тут понял, как нелепо выгляжу перед незванными визитерами. Я лежал на диване полностью обнаженный, и моя нагота ничем не была прикрыта, более того, я не мог двинуть руками. Одуреешь тут...

Я приподнял голову. Мои руки были прикованы к спинке дивана наручниками. Вот же суки!

– Думаешь, тебе это так просто сойдет? – грубо бросил я в сторону колючих глазок. Незнакомец довольно хмыкнул и развел руки в стороны:

– Мы здесь ни при чем. Ублажали тебя явно другие. Мы так не умеем, ты ведь знаешь.

Он был прав. И я узнал его. Стоявший передо мной Хасаев, или просто Хан, владелец престижного клуба, большой авторитет, имевший у себя за плечами довольно темное криминальное прошлое, любил силовые методы воздействия. И если он «ублажал», то с помощью раскаленного утюга, ножика или просто пули. И делали это его «шестерки», а не он сам. Появление Хана в моей квартире говорило о том, что я ему понадобился очень срочно. Иначе он вызвал бы меня к себе, а не тащился в мою холостяцкую берлогу.

Я вновь посмотрел на наручники. «Браслеты», как я понял, были моими. Надо же! Шлюшки, чтоб их... Значит, это они порезвились. Нет, пьянка и ушлые бабы – смесь довольно взрывоопасная. Спермовыжималки недоделанные. Я взглянул вниз. Член был на месте. И слава богу. Могли ведь и обрезание сделать, что с этих пьяных зараз возьмешь.

– В баре ключ, – уже мягче проговорил я. – Может, отстегнете?

Хан подергал мочку уха, как бы решая, стоит ли удовлетворить мою просьбу. У меня возникло подозрение, что ему нравилось наблюдать мои наготу и беспомощность. Вот сволочь! Только бы не вспомнил своих эковских пристрастий.

– Бурый, – бросил он не оглядываясь. – Помоги человеку.

Я облегченно вздохнул.

Человек в спортивном костюме подошел к секции, открыл бар, отыскал ключ и вернулся ко мне. Почувствовав, что мои руки освободились от злосчастных наручников, я быстренько присел и стал массировать запястья, не обращая внимания на визитеров.

– Оденься, – рыкнул Хан. – Разговор у меня к тебе есть.

– У меня сейчас отпуск, – попытался возразить я.

– Заткнись!

Перечить не имело смысла. Особенно Хану. Тот не любил отговорки и не очень понимал шутки.

Моя одежда лежала на полу, смятая до неузнаваемости; на ней, видать, целую ночь плясали. Вполне возможно, что так и было.

Я быстренько влез в трусы, брюки, натянул спортивную майку (хорош спортсмен!), после чего пригладил волосы на голове. Но я, конечно, не думаю, что имел после этого лучший вид.

Хан прошелся по комнате и небрежно плюхнулся в кресло. Двое остались стоять, где стояли.

– Как я понял, ты сейчас не занят, – начал незваный гость.

– Я сейчас отдыхаю, – еще раз попытался я вразумить его.

– Мне нужно отыскать одного должника, – не обращая на мои слова никакого внимания, приступил к делу Хан.

Ну конечно! Ради чего еще он мог притащиться сюда со своими «шавками»... Розыск должников – это моя специальность.

Не только разыскать должника, но и вернуть долги. В свое время я закончил университет, служил в десанте, немного в угрозыске, прошел школу спецназа и был в группе специального назначения при ГУВД столицы, пока оттуда с треском не уволили по несоответствию (а вернее, просто в то время нужно было на ком-то отыграться, ну я и подошел). И хрен с ними! Знание оперативной работы мне сейчас очень пригодилось. И высшее образование тоже. Как? Работа по возвращению долгов состоит из двух этапов. Первый этап – отыскать должника, второй – заставить этого должника вернуть долг. Розыск должника – это чисто сыскная работа, иногда требующая помощников. Их я нахожу среди студентов. Они подходят для того, чтобы понаблюдать за определенным местом, где может появиться нуж-

ная мне личность. Очень терпеливо и долго наблюдать. День, а может, неделю. Я остался в неплохих отношениях с некоторыми преподавателями, которые мне и советуют, с какими студентами можно, по их мнению, иметь дело. Кто усидчив, трудолюбив и так далее. Я с ними знакомлюсь и предлагаю подработать. Студенты народ в общей массе небогатый, и поэтому с удовольствием берутся за предложенную работу. И хорошо ее выполняют. Сутками сидя в подвалах, на крышах, следя за территорией возможного появления нужного мне человека. С Ханом, который сейчас находился в моей квартире, мы уже сталкивались. Когда-то мне одного должника пришлось искать через казино. И с Ханом мы тогда довольно мирно контактировали. Но в моей квартире он был впервые.

Хану было под пятьдесят, но выглядел он намного старше – все-таки криминальная жизнь оставила свои отпечатки. Двоим его молодчикам едва исполнилось тридцать, больше я бы не дал.

Обычно Хан щеголял в безумно дорогом костюме, но сегодня он решил несколько поскромничать. А может, посчитал, что я птичка не такого высокого полета, чтобы перед встречей со мной наряжаться.

Я болезненно поморщился, ибо давал себя знать синдром похмелья, и, отодвинув легонько в сторону не то армянина, не то грузина, я двинулся к секции.

– Ты чэго толкаешься, да? – взъерепенилось, дернувшись, лицо кавказской национальности. – Счас «помочу»...

И говоривший для убедительности вытащил «пушку». Сзади, из-за пояса. Вот же урод! Мне так и хотелось въехать ему в рожу.

– «Замочу», – не без издевки поправил Хан.

– Знаю, да, – обиделся знаток «великого и могучего». – Я так и говорю.

– Закрой пасть и спрячь ствол, – громыхнул Хан так, что, мне показалось, задрожала люстра.

Я открыл дверцу бара, достал пачку сигарет, зажигалку и поспешно прикурил. Можно было бы и пивца глотнуть, но, глядя на нетерпеливые лица гостей, я решил пока отложить лечебную процедуру. Сделав пару глубоких затяжек, почувствовал себя еще паршивее. Прошел к дивану, плюхнулся на него и с некоторой развязностью поинтересовался у Хана:

– Как дела в клубе?

Уголки губ у того дрогнули:

– Хочешь просадить свои денежки?

Я скривился. По имеющимся у меня данным, когда-то у Хана был не клуб, а просто казино, но после запрета данных игорных заведений в столице он быстренько свое казино переоборудовал под клуб. Правда, по слухам, которым я вполне доверяю, в новом заведении рулетка по-прежнему вертится – в укромном помещении и для избранных.

– Нет, пожалуй. Думаю, может, ты в компаньоны меня пригласишь.

– Все умничаешь? – Хан сузил свои и без того узкие глазки.

– Ему по мошке надо съездить, – не удержался русскоязычный словесник.

– Башке, – зло поправил его Хан.

– Знаю, да, – досадливо скривился кавказец. – Я и говорю.

– Да заткни ты свою пасть, наконец! – едва не подпрыгнул в кресле Хан.

Собеседник невозмутимо пожал плечами. Веселенький товарищ, ничего не скажешь.

– Вернемся к делу, – рыкнул Хан, переводя взгляд в мою сторону; ему наверняка надоело то препираться со мной, то поправлять своего идиота-товарища.

Я предусмотрительно промолчал. Пусть говорит дело. Быстрее расскажет, быстрее свалит. И я быстрее начну лечиться. А то с каждой минутой становится все хуже.

– Мне нужно найти одного засранца.

С этими словами Хан вытащил из кармана рубашки фотографию и протянул ее по направлению ко мне. Бурый моментально подхватил снимок и передал мне в руки.

На фотографии красовался далеко не засранец. Довольно крепкий парень лет двадцати пяти, в форме спецназа. Снимок с одной стороны – правой – был волнисто обрезан, из чего я заключил, что «засранца» просто вырезали из общей фотографии. Интересно, почему Хан не захотел показать мне снимок целиком?

– Сколько он тебе должен? – спросил я, продолжая любоваться фрагментом фотографии.

– Не твое дело, – огрызнулся Хан. – Ты мне его отыщешь, и все. Долг тебя не должен волновать. За это получишь десять кусков.

– Я работаю на проценты от выбиваемой суммы, – попытался напомнить я.

– На этот раз выбивать не нужно. И должен он мне совсем не деньги. У нас другие счета. Так что десять кусков – это вполне приемлемая цена за информацию о местонахождении человека. Пять кусков аванс. – Хан поднялся и подошел ко мне: – Короче, мне этот человек нужен через день, максимум – два.

– Э-э, – протянул я, едва не упустив изо рта сигарету. – Так дела не делаются. Человека бывает не просто найти.

– Он здесь. В Москве или около.

– Почему же сам не найдешь?

– Если бы мог, к тебе не пришел бы.

– А откуда такая уверенность, что он где-то здесь?

– Потому как он две недели водил меня за нос. А затем вот уже неделю просто молчит и не подает признаков жизни.

– Это еще не значит, что он где-то здесь, – попытался урезонить его я.

– Если я говорю, что он где-то здесь, значит, так оно и есть. И не задавай мне больше дурацких вопросов. Отыщи мне этого ублюдка.

– Кто он? – я взмахнул фотографией.

– Корш. Бывший спецназовец. Как и ты. Тем легче тебе будет его отыскать.

– Где он живет?

– Его квартира пустует уже больше месяца. Он не дурак, чтобы светиться в ней. Из родных только мать и отец, которые живут на Украине.

– И тем не менее мне нужны адреса и его квартиры, и родителей.

– Вот он знает, – Хан кивнул на вздорного своего дружка.

– А мне-то что от этого? – скривился я.

– Ты будешь работать вместе с ним. С Арменом.

– С этим дебилом?! – тут уж и я вскочил на ноги.

Армен при моих последних словах просто позеленел, его нижняя губа от обиды едва не свесилась ниже пояса. На свет тут же появилась «пушка».

– Ты... ты... «Помочу» суку.

– «Замочу», урод, – на этот раз поправил его я.

Тот с визгом ринулся ко мне, помахивая стволом.

– Кишки высуну, да?!

– Заткнулись!

Рев Хана вмиг заставил Армена застыть на месте. И в данный момент я точно видел, что люстра моя зашаталась.

Хан стоял с красным от злобы лицом.

– Заткнули свои вонючие пасти, – он неприязненно посмотрел на меня. – Будете работать вместе.

– Я всегда работаю один, – сделал я очередную попытку избавиться от общества Армена.

– На этот раз отступишь от своего правила. И не вздумай пудрить мне мозги. Дело для меня слишком важное, чтобы я оставлял тебя одного.

– Если не доверяешь, какого хрена пришел ко мне?

– Я не доверяю даже своей матери, не то что бывшему менту. Пусть и очень крутому.

– А если я откажусь?

– Тогда ты в этом городе больше не будешь заниматься своим ремеслом. Тебя такое устроит?

По глазам Хана я понял, что он не шутит. Видимо, незнакомец в самом деле нужен ему был позарез, коль он выходил из себя.

– Бурый, – Хан обернулся в сторону человека в спортивном костюме.

Тот достал из кармана пачку долларов и небрежно бросил ее на журнальный столик.

– Здесь пять тысяч, – кивнул на деньги Хан. – Остальную часть получишь, когда найдешь требуемого мне человека. Вопросы есть?

Я понял, что возражать бессмысленно. И придется для этого чертова подпольного казиношника все же постараться.

– Пока нет, – после продолжительной паузы ответил я. – Но потом могут возникнуть. Как мне связаться с тобой?

– Он свяжется, если что, – Хан небрежно кивнул на Армена.

Да, все же не отделаться мне от этого идиота...

Армен словно уловил, что я о нем думаю, и опять невольно дернулся вперед. Я с удовольствием оскалился.

– Желаю вам, ребята, подружиться, – неожиданно благостно пропел Хан, поочередно бросив взгляд на меня и на своего дружка. – Потому как денька два вам придется едва ли не жить вместе.

Перспектива меня не очень радовала. А вернее, она была отвратительной. Я только что закончил с одним делом и хотел было хорошенько отдохнуть, и вот на тебе... Еще и урода мне подсунули. Интересно, как себе представляет Хан наше сотрудничество? Лично я не представляю.

– Ну, ладно. Пока, Виртуоз. Надеюсь, ты меня не разочаруешь.

Виртуоз – это я. Мое прозвище. Мне оно нравится. Но сейчас, услышав его, никакой радости я не ощутил.

Хан двинулся к выходу. Бурый поплелся следом. Армен остался стоять на месте, из чего я понял, что теперь он в самом деле будет, что называется, жить со мной. Что ж, один из нас к концу второго дня точно сойдет с ума. Только кто это будет?

– Квартира что, была открытой? – адресовал я вопрос удаляющемуся Хану.

Тот обернулся и сощурился:

– Что значит открытой?

– Как вы вошли сюда?

На этот раз улыбнулся Бурый. Самодовольно и презрительно. И это был ответ.

Двое вышли из моей квартиры, громко хлопнув дверью.

Армен стоял, сунув руки в карманы брюк, и пренебрежительно покачивался с пяток на носки.

– Будем работать, да? – весело спросил он, словно и не было у нас с ним стычки.

Я хмыкнул:

– Будем. Раз такое дело, да?

– И с чэго начнем? – напрягся он.

– Сначала застели мой диван, – буркнул я и двинулся на кухню.

Он быстренько меня догнал:

– Я тэбэ нэ слуга, понял, да? Я здесь главный, а нэ ты.

Я смерил его оценивающим взглядом. Пререкаться мне больше не хотелось. Я просто устал. И хотелось пива. Очень хотелось.

– Ладно. Ты здесь главный, – согласился я. – Что прикажешь?

Он удивленно заморгал глазами:

– Что я прикажу?

– Ну ты ведь главный.

– А-а, – протянул насмешливо он. – Подкакываешь, да?

– Подкалываешь, умник, – не сдержал улыбки я.

– Знаю, да. Я так и говорю.

Обиды в его голосе не было слышно. И мне это, в общем-то, понравилось.

– Я иду пить пиво. Хочешь?

Он на секунду задумался и уверенно произнес:

– Почэму нэ хочэш?

Я достал из холодильника две бутылки.

– Тэбя как зовут? – спросил Армен.

– Виртуоз. Все так меня зовут.

– А мэня Армэн.

Как будто я не слышал его имя.

На лице навязанного мне напарника играла доброжелательная улыбка. И я подумал, что, может быть, мы и не сойдем друг от друга с ума. Во всяком случае, не так быстро.

2

На улице было жарко. Солнце уже с утра нещадно палило, и намечался сухой денек.

Я належке. Все в тех же спортивной майке, брюках; на ноги надел легкие летние туфли. Армен шел впереди. И его вид мне не понравился. А вернее, одна деталь: сзади из-за пояса торчала рукоятка пистолета. Кажется, этому джигиту было наплевать на порядки, какие царили в столице России. У нас обычно оружие прикрывают, но на Армене не было пиджака, и вороненая сталь открыто поблескивала в ярких лучах солнца.

– Ты что, – не удержался я, – всегда так ходишь со стволом?

Армен оглянулся, прищурился и удивленно ответил:

– Зачэм так? В машину сядэм, оружие выложу.

Ага, все-таки не всегда он шляется так вызывающе по городу. Ну, и на этом спасибо.

«БМВ» Армена стоял недалеко от подъезда, передними колесами на газоне. Когда я таким образом ставил свою тачку, мои соседи обычно выговаривали мне за то, что я нарушаю экологию и уничтожаю растительность. Но Армену-то что? Он здесь не живет. И на моих соседей ему наплевать.

Послышался слабый писк. Это мой спутник нажал на кнопку брелока, автоматически открывая дверцы иномарки. Мы забрались в машину. В салоне было душно, как в сауне.

– Открой окна, – прохрипел я.

– Счас провэтрим, – спокойно отчеканил Армен и нажал на кнопку в панели. Боковые передние окна автоматически открылись, а затем Армен открыл еще и люк.

– С шиком поедэм, да, – довольно промычал он, едва шевеля губами.

– Ты от пива хуже не водишь? – на всякий случай осведомился я, вспомнив, что водитель только что осушил бутылку.

– Я и с водкой хорошо вожу, – самоуверенно заявил он. – Армэн – ас. Ишь ты! Выучил. Едэм, да?

– Помолчи, – огрызнулся я, пытаюсь сообразить, куда в первую очередь податься, и, вытащив из кармана брюк фрагмент фотографии, в который уже раз уставился на волевое лицо человека на снимке.

– Можэт, к нэму домой? – не удержался Армен, наклоняясь ко мне и вместе со мной разглядывая снимок.

Я спрятал фотографию в карман и резко бросил:

– На Петровку.

– Зачэм, Пэтровка? – Джигит удивленно заморгал глазами.

– Не твое дело. Рулуй, куда сказано.

Армен сделал обиженное лицо, но возражать не стал; видимо, понял, что это пустое занятие.

Поскольку нужный нам человек служил когда-то в спецназе, я решил навестить своего старого командира.

Через двадцать минут мы были на месте. На проходной Главного управления внутренних дел Москвы я связался по телефону с заместителем командира группы специального назначения майором Довлатовым. Во время моего разговора по телефону дежуривший у входа капитан окидывал меня подозрительным взглядом, словно обнаружил в посетителе, то бишь во мне, давно разыскиваемого преступника.

Довлатов сказал, чтобы я подождал, пока он сам спустится ко мне. Я все понял. К себе он не решился меня приглашать. Что ж, такому отщепенцу, как я, конечно, здесь не место. И все же с майором мы оставались большими друзьями. Хотя меня и убрали из группы «по несоответствию», майор до последнего боролся против этого. Но, как всегда бывает, кто-то должен за все ответить. И естественно – не вышестоящие. Однако я не обижаюсь. Благодаря крутому повороту судьбы получил более денежную работу, пусть и несколько незаконного характера, потому как лицензия у меня не то что на данную работу, но даже на частную детективную практику отсутствует. Но мне это не мешает и никого не смущает.

Майор Довлатов появился через пять минут. Крепкий, под метр восемьдесят ростом, совершенно седой, хотя ему даже сорока не стукнуло. Он решительно пожал мне руку и кивком предложил выйти на улицу.

– Ну, что там стряслось у тебя? – буркнул хмуро он, доставая из форменного кителя пачку «Беломора». Прикурив папироску и пустив струю сизого табачного дыма в мою сторону, нетерпеливо передвинул мундштук из одного уголка рта в другой.

– Мне нужно найти одного человека, – признался я.

Довлатов понимающе кивнул:

– Бизнес, вижу, у тебя не умирает?

– Пока живет.

– Меня возьмешь к себе, если уволят?

– Можешь не сомневаться. Тогда уж точно откроем детективное агентство.

Майор грустно усмехнулся. Видимо, он не очень верил в такую перспективу.

Я достал снимок и протянул его майору.

– Мне сказали, он когда-то служил в спецназе. Правда, не знаю, когда и где. Но, может, ты чем поможешь?

Лицо у майора при виде человека на фотографии несколько омрачилось. Он быстро возвратил мне снимок. Я понял, Довлатову что-то известно о нужном мне субъекте.

– Зачем тебе этот человек? – отведя глаза в сторону, спросил майор.

– Попросили найти, вот я и ищу.

– Я бы посоветовал тебе отказаться от этой затеи.

Мне что-то стало не очень хорошо от его предупреждения. Довлатов обычно словами не разбрасывался.

- Ты его знаешь?
- Он служил у нас, – подтвердил майор. – Они пришли примерно через год после тебя.
- Они?
- Их было трое. Все из Чечни. Обожженные войной, обозленные на всех и вся. В общем, тертые ребята, которые не верили ни во что и не боялись никого и ничего. Вместе служили в Чечне, вместе оформились и к нам в спецназ.
- Почему ушли?
- Знаешь, как о некоторых говорят? Они сначала стреляют, а потом разбираются.
- Эти тоже так поступали?
- Нет. Они просто стреляли. И не разбирались. Потому как считали себя правыми. Всегда.
- Сильные ребята.
- Да, крепкие. Но с израненными душами, которые так и не смогли залечить.
- Слишком перегнули палку?
- В одном заведении вместе с преступниками расстреляли и нескольких безвинных людей. Их едва не посадили. Но кое-как мы это дело спустили на тормозах, плюс боевое прошлое. Короче, просто уволили – и все.
- Что с ними стало дальше?
- Не знаю, – пожал плечами Довлатов.
- А этот? – я помахал снимком.
- Его звали Корш. Сокращенно от фамилии Коршунов.
- Где его можно найти?
- Довлатов вновь пожал плечами.
- Я взглянул на снимок и задал очередной вопрос:
- А где мог этот Корш в форме сняться?
- Кто его знает. Но форма наша. Нашей группы. Значит, снимался он еще во время службы у нас.
- Его квартира уже больше трех недель пустует. Родители живут на Украине. Может, у него какая-нибудь дачка есть?
- Мне и о его квартире не было известно.
- Я нахмурился. Сведений было, что называется, с гулькиным нос. И с чего начать поиски требуемого объекта, по-прежнему оставалось вопросом.
- А у Корша не было какой-нибудь характерной привычки? – попытался я подойти с другого конца к разрешению своей задачи.
- Привычки? – Довлатов бросил окурок в сторону и саркастически ухмыльнулся. – Кроме как убивать – никакой.
- Вот не везет! – в сердцах воскликнул я.
- Майор развел руки в стороны – дескать, извини, браток, – и неожиданно так с распростертыми руками и застыл. А затем быстренько принял прежний вид.
- Что-то не так? – заинтересованно посмотрел я на Довлатова. Почуял, что тот вспомнил нечто. И, видимо, совсем не второстепенное.
- Не знаю даже, привычка это или нет... – неуверенно произнес Довлатов.
- Ну, ну, – подначивал его я, словно звал на подвиг.
- Корш был с густой шевелюрой. Короткой, но очень густой.
- И что же? – не понял я вначале.
- Он каждую неделю ходил в парикмахерскую и делал укладку. Очень уж гордился своими волосами.
- В одну и ту же парикмахерскую? – с надеждой осведомился я.
- Да. Салон на Старом Арбате.

Это уже было что-то. Обычно люди своих привычек не меняют. А если меняют, то делают это весьма неохотно.

– Может, и вся троица такая была? – с некоторой усмешкой спросил я.

– Нет, – серьезно, не замечая моей иронии, проговорил майор. – Только Корш.

Я некоторое время простоял в задумчивости, а затем поблагодарил:

– Ну что ж. Спасибо и на этом.

Довлатов протянул мне для прощания руку:

– Обращайся, если что.

– Ты тоже. Если надумаешь уволиться.

Майор хмыкнул и заспешил назад в управление. Я же отправился к «БМВ». Армен сидел за рулем и слушал музыку. Слава богу, что он не вздумал выпрыгивать из машины и лезть знакомиться с Довлатовым. Я бы наверняка упал в глазах своего бывшего командира, заметь майор с каким джигитом мне приходится работать.

– Все нормально, да? – поинтересовался Армен, как только я занял переднее сиденье.

– Можно сказать и так. Давай теперь на Старый Арбат.

3

Салон-парикмахерская была небольшой, на четыре кресла. И в тот момент, когда я появился там, заняты были лишь два.

Две бальзаковского возраста женщины в белых халатах обслуживали двоих среднего возраста мужчин. В одном из свободных кресел сидела неприметная девушка, также в белом халате, по которому я заключил, что она служащая данного заведения. Девушка усердно работала пилочкой, приводя в порядок ногти на руках. Увидев меня, она прервала свое занятие, с интересом на меня посмотрела и осведомилась, одарив меня лучезарной улыбкой:

– Хотите постричься?

– Пожалуй, – нехотя бросил я, глянув на себя в зеркало.

Вообще-то подстригался я совсем недавно, но ради дела можно было проделать эту процедуру еще раз.

Девушка выпорхнула из кресла:

– Садитесь.

Я устроился поудобнее.

После стрижки я щедро вознаградил девушку улыбкой и купюрой, добавив широким жестом:

– Сдачи не надо.

Девушка растаяла.

– Приходите еще, – нежно пропела она.

– А вы давно тут работаете? – как о ничего не значащем спросил я.

– Очень давно.

– И много у вас постоянных клиентов?

– Есть. Но таких, как вы, не попадалось.

– Ну да, – я тут же вытащил фотографию Корша. – А этот?

Она скосила глаза на снимок и уверенно произнесла:

– А-а. Это клиент Марьи Сергеевны. – Она кивнула на женщину, работающую рядом. – Марья Сергеевна, о Валере спрашивают.

Та, не отрываясь от работы, неодобрительно глянула в нашу сторону.

– Я его друг. Старый, – быстренько произнес я, пряча фотографию, словно ее у меня хотели отнять.

– И что? – донеслось в ответ.

- Не видел давно.
- Он по средам приходит.
- То есть завтра он у вас будет?
- Несомненно.
- И в какое время?
- Утром. К открытию.
- Он постоянно так ходит?
- Сколько помню. – Марья Сергеевна больше на нас не смотрела.
- И в прошлую среду был? – не унимался я, не веря такой удаче.
- Я же сказала, молодой человек, – неодобрительнодохнула в затылок клиенту Марья

Сергеевна.

- Был, был, – доброжелательно подтвердила моя парикмахерша.

Я поспешил ретироваться из салона и направился к стоянке, где была припаркована машина.

Армен сразу же поинтересовался:

- Куда дальше едем?
- Никуда, – остудил я его пыл. – Считаю, что все закончилось. Нужного человека я нашел.

Армен захлопал ресницами и недоверчиво отодвинулся от меня, как от прокаженного. По-видимому, не поверил. Или решил, что я спятил.

- Звони Хану, – приказал я.

Армен несколько секунд медлил, словно ожидая, что я опомнюсь, затем вытащил из прикрепленного к передней панели «кармашка» сотовый телефон и быстро застучал пальцами по кнопкам.

– Армэн это, – подобострастно представился он в трубку. – Ага... Говорит, что нашел. Счас... – И уже мне: – Держи. Хан хочет с тобой говорить.

Я приложил трубку к уху.

- Что у тебя там? – слышался в трубке настороженный голос Хана.
- Я хотел бы получить вторую часть обещанного гонорара, – бодро отчеканил я.

Настроение у меня приподнялось. Что и говорить! За сутки заработать десять кусков. Это было неплохо. И отпуск свой можно будет несколько продлить.

- Не спеши, – остудил меня Хан. – Ты знаешь, где находится нужный мне человек?
- Я знаю, где он будет завтра утром.
- Ага, – подхватился тут же Хан, словно уличил меня во лжи. – Завтра, значит. Вот завтра и рассчитаемся. Что-то ты уж больно быстро все обтяпал...

- Не веришь мне?
- А я никому не верю. И ты не исключение. Где он завтра будет?
- На Старом Арбате. В парикмахерской.
- В парикмахерской? Что за хренотень ты несешь?
- Тебя ведь не интересуют мои методы розыска, а? – Мне уже стало надоедать оправдываться.

- Засунь свои методы сам знаешь куда... Меня интересует конечный результат.
- Вот и получай его, – огрызнулся я. – Завтра в девять утра.

– Значит, к семи я приеду. К тебе домой. Оттуда поедем к твоей парикмахерской. И не иначе. Я удостоверюсь, что ты не туфту мне подсунул. И после этого получишь оставшуюся часть. Только так. Врубился?

- Как знаешь, – спорить с Ханом было бесполезно.
- Дай трубку Армену.

Я быстро передал мобильник джигиту.

Тот выслушал наставления своего хозяина, повесил трубку на панель, посмотрел на меня и пробасил:

– До утра можэм отдыхать.

– Вот и хорошо, – без настроения ответил я. – Отвези меня домой и можешь катиться на все четыре стороны.

– Нэ, – Армен покачал головой. – Хан сказал от тэбя не отходить нэ на шаг. Больно уж ты слипкий.

Я удивленно посмотрел на Армена, а затем досадливо плюнул себе под ноги.

– Скользкий, умник.

– Я так и говорю, да.

Да-да. Черт бы тебя побрал. Видимо, от тебя мне не отделаться. И первым сойду с ума я. Это уж как пить дать.

– Куда едэм?

– Домой.

Напьюсь и завалюсь спать. Так я хоть не буду слышать голоса этого джигита. Я надеялся, что на этом моя работа на Хана закончится, не подозревая, что это только начало. Начало безумной круговерти...

Глава 3

1

– Я все делал так, как вы и говорили, доктор. Но вас слишком долго не было. Очень долго. А Они не ждут. И мне пришлось предпринять контрмеры.

– О боже. Что вы натворили?

– Они опять попытались меня достать. Но у Них снова ничего не получилось. Вы мне говорили, доктор, сидеть дома и никуда не выходить. Ждать вас. Я ждал. Долго ждал. Я даже на работу не стал звонить. Потому что Они могли подслушать.

Лаврентьев тяжело вздохнул. Он не видел своего пациента три недели. И даже чуть больше. После того, как произошло несчастье с его женой, ему было не до того. И Фомин на время исчез из его поля зрения. И оказывается, страшного это ничего не принесло... Фомин следовал всем инструкциям. Он заперся у себя в загородном доме и не выходил оттуда. Все три недели. Так, по крайней мере, он говорит. И Лаврентьеву вроде нет причин не доверять ему. Вчера врач звонил на работу вице-президента, и его шеф сообщил, что Фомин уже несколько дней не появляется в компании. Ему звонили домой – и в городскую квартиру, и в загородный особняк. В последнем трубку подняли. И Фомин вполне здраво заявил, что ему нужен отдых. Президент решил, что его работник, возможно, приходит в себя, и оформил тому отпуск. Лаврентьев выслушал тираду президента и не стал убеждать его в обратном, не стал обнаруживать свои сомнения. Он-то знал истинный смысл слов своего пациента. Фомин научился обманывать весьма правдиво. Потому что Они очень умные враги. И Их очень много.

Лаврентьев боялся: после многих дней, что он не видел Фомина, тот окажется совсем невменяемым. Но нет, за это время болезнь не слишком прогрессировала. Фомин слепо следовал указаниям психоаналитика, что говорило о том, что беспокойный пациент еще не решился отнести доктора к числу своих врагов. Лаврентьева это обрадовало больше всего.

– Вы все время находились дома, как я вам и велел?

– Да, доктор. Это правда.

Не во всем, хотелось добавить Лаврентьеву. Фомин говорил, что никому не звонил. Но ему звонили, с работы уж точно. Он промолчал об этом. Значит, вполне возможно, утаил и еще что-то. Лаврентьев внимательно наблюдал за лицом пациента, который лежал с закрытыми глазами на кушетке. По лицу ничего нельзя было прочесть. Умиротворенное, спокойное, словно человек спал и видел хороший сон. И говорил во сне. Без всяких эмоций, будто пересказывал содержание своих сновидений.

– Чем вы питались?

– У меня есть запасы, доктор. Не волнуйтесь.

– Вы говорили, что Они опять попытались к вам подобраться?

– Да, доктор, попытались. Сегодня ночью. Но я Их встретил.

– Вы что же, опять стреляли?

– Нет. Вы же сказали не делать этого.

– Тогда что же?

– Я включил прожектор...

– Какой еще прожектор?!

– Я его купил. Давно. Как только понял, что Они за мной охотятся. Хороший прожектор. Мощный. Я его повесил возле входных дверей.

– А зачем включили?

- Так Они хотели подкрасться к моему дому. Разве не понятно, доктор? Я и врубил его.
- А дальше?
- А затем высунул в окошко ПТУРС.
- Это еще что такое?
- Реактивная ручная система. Усовершенствованная. Наплечная. Портативная.
- О боже. Откуда вы ее взяли?
- За деньги можно много чего купить. Не важно. У меня еще есть и скорострельный авиационный пулемет «РСП-86». Хорошая штукавина. Не стреляли из такой, доктор?
- Нет, конечно. А вы? Вы же обещали не задействовать оружия.
- Я этого и не делал. Достаточно было показать, что я готов выпустить ракету. Ха-ха!..
- А знаете, доктор, Они трусливы. Увидев, какое у меня оружие, тут же исчезли.
- Слава богу... Значит, все обошлось мирно.
- Но Они вернутся, доктор. Я это чувствую. И мне нужна ваша помощь... Для вас у меня есть «Беретта».
- Что это?
- Пятнадцатизарядный пистолет. Итальянский. Вам он подойдет.
- Нет. Не подойдет. С вашей проблемой мы справимся другим образом.

Лаврентьев вытер ставший влажным лоб. Ничто теперь не поможет. Фомина нужно срочно определять в психлечебницу. Это следовало уже давно сделать. Однако существовало одно «но»: Фомин был нужен Лаврентьеву. И прежде чем тот окажется в психбольнице, он должен кое-что сделать для психотерапевта. Только Лаврентьеву следует поспешить. В любой момент еще поддающийся его влиянию пациент может полностью выйти из-под контроля, и тогда всему плану крышка. Он и так столько протянул. Но на то были причины. Веские причины. Его жена попала в автомобильную катастрофу совсем некстати, потому как она тоже являлась одним из важных звеньев замысла Лаврентьева.

- Вы сейчас отправитесь домой, я приеду к вам вечером. Все необходимые бумаги у вас?
- Уже три недели. Вас очень долго не было, доктор. Очень долго.
- На это были причины.
- Они вам угрожали. Я прав, да?
- Нет. Не правы. Вы согласны и дальше слушаться меня?
- Да. Согласен, доктор.
- Тогда отправляйтесь к себе домой. И ничего без меня не предпринимайте.

Лаврентьев подошел к столу и нажал на кнопку селекторной связи. Алена впорхнула бесшумно. Лучезарная улыбка очень украшала ее.

- Проводи, Алена, Андрея Викторовича.

Фомин неторопливо поднялся с кушетки, поправил на себе одежду и заговорщицки подмигнул психоаналитику:

- Я буду вас ждать, доктор.
- Как договорились. До вечера.

Лаврентьев устало опустился в кресло и прикрыл глаза. Дверь закрылась. Он остался один. Некоторое время сидел неподвижно, о чем-то напряженно думая. Затем открыл ящик стола, вытащил связку ключей и поднялся с места. Снял халат и вышел из кабинета.

В приемной находилась одна Алена.

- Вы сегодня встречаетесь с Миловидовой, – напомнила она, несколько удивленно скользнув взглядом по задумчивому лицу психоаналитика.
- Я помню. Пусть она меня подождет.

Ему необходимо было сейчас отлучиться. Потому что существовала проблема. Проблема с его женой. Что-то стало происходить после того, как она выкарабкалась, можно сказать, с того света. Что-то, чего он не мог понять. И объяснить.

2

Когда все началось? Лаврентьев не мог сказать. Он не знал той отправной точки, с которой пошло нечто несуразное. Ее как таковой и не было как будто. Просто в один из моментов он почувствовал – что-то не так. С его женой нечто происходит.

Он помнил, как она вышла из комы. Не могла говорить, вся голова, включая лицо, была обвязана бинтами. Они тогда просто смотрели друг на друга, и всё. Она – лежа на широкой койке. Он – сидя рядом на табурете.

Лаврентьев держал ее руку в своей и смотрел супруге в глаза. Они были единственным открытым местом на лице. И казались единственно живыми.

Затем явился Галкин, специалист по пластическим операциям. Снял бинты и после долгого осмотра объявил, что сможет восстановить изуродованное травмой лицо. Лаврентьев присутствовал при этой операции. Стоя за стеклянной перегородкой.

А неделю назад бинты сняли окончательно. И когда она увидела свое лицо в зеркале, то несколько минут смотрела на него, как замороженная. Он сам глядел на нее, словно на диковинку, будто до этого никогда и не видел.

Она была прежней. Тот же вздернутый носик, те же пухленькие алые губки, чуть впалые щеки. Были, правда, заметны небольшие, тонкие послеоперационные шрамики. Совсем небольшие. Их мог скрыть даже легкий макияж. Вот что позволяли сейчас лазерная хирургия и так называемая «золотая нить».

– Рита, – первое, что он выговорил тогда, расплываясь в счастливой улыбке.

Она отстранилась от зеркала, внимательно оглядела его и тоже улыбнулась.

– Я не изменилась? – пыталась пошутить она.

– По-моему, ты стала еще лучше, – он проглотил подступивший к горлу комок.

Стоявший рядом Галкин довольно потер руки.

– Чудненько, чудненько. Кажется, я сделал невозможное.

Лаврентьев готов был расцеловать хирурга-пластика. Тот на самом деле сделал невозможное. Психолог хорошо помнил лицо жены после аварии. Видел, когда делали перевязку. Оно было страшным. Открытые раны с набухшими, истекающими сукровицей краями... Это даже лицом нельзя было назвать.

– Я имплантировал живые участки кожи, так что некоторое время твоя жена может ощущать небольшой дискомфорт. Но затем все войдет в норму.

На этой оптимистичной ноте Галкин распрощался с ним.

Через день после того, как окончательно сняли повязки, Лаврентьев забрал жену из больницы.

– Как здорово снова очутиться дома, – сказала она, едва переступив порог квартиры. – Ты и не представляешь. Мне кажется, что я здесь не была уже тысячу лет.

Он вполне ее понимал. Она чудом выжила. И это было ее второе рождение.

Рита мало говорила, больше слушала его. Не спорила. Ходила по квартире, с каким-то упоением вздыхая. Она была как ребенок, и ему это нравилось.

В первую ночь после того, как Рита выписалась из больницы, он, лежа в темноте на широкой кровати, осторожно спросил:

– Тебе, наверное, некоторое время нельзя будет заниматься любовью.

– Почему? – неприятно изумилась она, как если бы он сказал нечто обидное.

– Все же авария... – попытался оправдаться он.

– У меня там все цело, – хмыкнула она, и рука ее мягко легла ему на грудь, а затем, медленно перебирая пальчиками его кожу, поползла вниз.

Он закрыл глаза от подступающего возбуждения и включил бра. Жена зажмурилась и тут же погасила светильник.

– Я, кажется, стала стеснительной, – засмеялась она с детской непосредственностью.

Может, это было и к лучшему. Об этом он подумал уже позже. Такой бурной ночи Лаврентьев уже и не помнил. Даже в медовый месяц такие выпадали редко. Да и прошло уже после этого медового месяца десять лет. И вот – пожалуйста!

Два дня он жил в полуреальном мире. Забыл о своей практике, о том, какие у него до этого возникали планы. Все отошло на задний план. Рита полностью заняла его мысли.

А потом... Был звонок. Рита подняла трубку и о чем-то недолго говорила. После чего он заметил: она изменилась в лице.

– Тебе плохо? – встревоженно спросил он.

– Нет. Немножко голова закружилась.

– Кто это звонил?

– Подруга.

– Лариса?

– Да. Она.

– У нее какие-то проблемы?

– Все в порядке, – отмахнулась Рита, спеша на кухню.

На некоторое время он забыл об этом звонке. Но через день снова раздался звонок. Он поднял трубку, однако разговаривать с ним не захотели. Связь оборвалась, едва он подал голос. Лаврентьев сходил в магазин, а когда вернулся, Рита разговаривала с кем-то по телефону. Увидев мужа, она закруглилась с беседой и как ни в чем не бывало улыбнулась ему. Правда, улыбка эта ему не понравилась. Она была явно вымученной, и за ней скрывалась некая тревога.

Он не стал спрашивать, кто звонил. Если бы она хотела, то сама бы рассказала. Она не захотела. И именно тогда он решил вернуться к своим старым планам. Усадив Риту на диван, устроился рядом и спросил:

– Ты помнишь, что мы с тобой решили до аварии?

Рита на секунду задумалась, а затем, твердо глядя ему в глаза, сказала:

– Помню.

– Я думаю, нам пора завершить начатое.

В этот миг ему захотелось немного изменить ранее придуманный им план. И он уже уверил себя, что воплотит это изменение в жизнь. Поскольку кое-что в его жизни произошло. После сказочно проведенных с женой нескольких дней.

– Ты уверен? – на всякий случай спросила она.

– В себе – да. А вот ты? Ты сможешь сейчас справиться?

– За меня не беспокойся, – убежденно ответила она.

Ближе к вечеру, когда он пил кофе на кухне, она подошла к нему, нежно обняла за шею и, прижавшись губами к его затылку, произнесла:

– Ты не смог бы завтра поехать со мной?

– Поехать? Куда? – Он слегка опешил.

– Я хотела бы взглянуть на то место, где произошла авария. Ты ведь знаешь, где это было?

Лаврентьев нахмурился. Его возили на место аварии. Но он не хотел об этом сейчас вспоминать. Потому как сразу же на ум приходил инспектор Смолячков с его дурацкими вопросами.

– Зачем тебе это?

– Мне все как-то не верится, что со мной могло случиться такое.

– Просто забудь об этом, – посоветовал он.

– Может, я так и сделаю. После того, как побываю там.

Марк Георгиевич задумался, а потом согласился, хотя это ему и не понравилось.

На следующий день он отвез ее на своей машине к месту трагедии. Рита долго стояла у обочины, глядя вниз с крутого склона, куда полетела ее машина. Уже ничто не говорило о том, что здесь произошла авария. Дерево, о которое ударилась ее машина, продолжало расти; тихо шелестела листва. И восстановился травяной покров.

Рита спустилась вниз, постояла возле дерева, а затем поднялась вверх. Кто-то другой так и не понял бы, что она хотела здесь увидеть. Но психоаналитик без труда сообразил: его жена что-то пыталась отыскать.

Рита перешла через дорогу, желая увидеть место, где взорвалась вторая машина. Обломки давно уже были вывезены отсюда. Однако жена не удержалась и спустилась вниз с другой стороны дороги.

Лаврентьев молча наблюдал за ней. Он не любил загадок, которые предлагали ему. Другое дело, когда он сам их загадывал.

Рита поднялась на шоссе и сразу же бросилась на шею к мужу.

– Ты знаешь, – сказала она слабым голосом, – это так тяжело. Я никогда не думала, что местность может так давить на тебя. Я словно вновь почувствовала, как падаю. Страшно.

И поежилась. Он крепче прижал жену к себе.

– Давай уедем, – поспешно попросила она. – Мне здесь не по себе. И ты прав. Лучше все забыть.

В этом Лаврентьев был с ней согласен. Хотя у него были вопросы насчет аварии. К Рите. И главный – в ту злополучную ночь она не должна была находиться в машине одна. Но он не задал этот вопрос. Он тоже хотел забыть об аварии.

В тот же день, вечером, кто-то опять позвонил. Лаврентьев выходил из туалета, когда услышал, как жена сказала в трубку:

– Завтра. В четыре.

Он сделал вид, что ничего не расслышал.

Лаврентьев решил сам во всем разобраться. Что это за таинственные телефонные переговоры?.. Накануне он звонил подруге жены Ларисе, и та уверила его, что не звонила Рите после ее выписки из больницы, как и та ей.

Рита обманывала его. И он хотел знать, почему. Именно поэтому он вознамерился проследить за женой. В четыре так в четыре. Лаврентьев не знал, куда она отправится и где у нее встреча. Он решил дожидаться, когда Рита выйдет из дому и сама приведет его к тому, с кем у нее свидание.

Это произошло вчера. И сегодня, как только он закончил с Фоминым, сразу же направился домой.

Он подъехал на «Мазде» к своему дому в половине третьего, заглушил мотор и стал внимательно следить за подъездом. Он надеялся, что за полтора часа до назначенного свидания его жена вряд ли покинула квартиру.

И был прав. Рита вышла в половине четвертого.

3

Она взяла такси и поехала в сторону Кутузовского проспекта. Лаврентьев двигался следом, стараясь не отстать и не потерять нужный объект в потоке машин.

Рита отпустила такси на Ленинских горах. Он припарковал «Мазду» и поспешил за своей женой, боясь, что та успеет от него скрыться.

Она подошла к массивным перилам, за которыми открывался величественный вид на столицу, и встала рядом с каким-то человеком в костюме. Он был чуть выше среднего роста, незастегнутые полы пиджака колыхались от ветра.

Сновавшие туда-сюда туристы мешали Лаврентьеву внимательнее разглядеть того, кто был рядом с его женой. Он отошел в сторону и стал наблюдать за Ритой сбоку.

Рита смотрела вдаль, и можно было подумать, что, кроме осмотра города, ее ничто и никто не интересуют. Однако психоаналитик приметил, как у нее двигаются губы. И понял, что она говорит. И, конечно, не сама с собой разговаривает. Значит, с тем, кто стоял рядом. Он не знал этого человека. И видел его впервые. Оглядывая незнакомца сбоку, трудно даже было сказать о нем что-то определенное. Разве, что мужчина был не стар.

Рита оставалась у ограждения около пятнадцати минут. Затем оторвалась от перил и двинулась обратно к стоянке такси. Мужчина задержался лишь на секунду и поспешил вслед за Ритой. Однако, когда та остановилась у такси, он проследовал дальше и даже не взглянул на нее, словно и не был с нею знаком.

Лаврентьев остался стоять на месте. Он не знал, как ему сейчас поступить. Подойти к жене? Или последовать за этим человеком и выяснить, кто он такой и куда направляется? Марк Георгиевич не мог понять, что связывает его жену и этого человека.

Рита уехала на такси. Незнакомый мужчина скрылся за поворотом дороги. А Лаврентьев продолжал все стоять на месте, силясь разобраться в ситуации, в которой оказался. Наконец уселся в машину, завел двигатель и, положив руки на руль, вновь задумался.

Рита была посвящена в его план. Правда, не до конца. Но она участвовала в нем. И довольно активно. И до аварии все шло так, как он задумывал. Никаких изъяснов не было. Теперь Лаврентьев готов был считать, что не предусмотрел нечто. Что? Он тут же припомнил, как пронырливый инспектор Смолячков заявил ему, что тормоза в машине его жены были неисправны. Это его удивило. Даже больше, это его просто сразило. Кто-то умышленно испортил тормоза. Просто невероятно! Потому как он к этому руку не прикладывал. И не собирался.

Что же тогда происходит? Лаврентьев никогда бы не подумал, что Рита может вести некую скрытую от него жизнь. Он считал, что жена у него всегда, что называется, на ладони. Однако ошибся. Незнакомый человек, с которым встречалась Рита, – тому свидетельство. Кто он? Ее любовник? Лаврентьев почувствовал, как его пальцы задрожали. Он не любил загадок, которые загадывал не он.

Задача была со многими неизвестными. Он знал, откуда возвращалась его жена поздней ночью, когда произошла авария. Но кто мог покопаться в ее тормозах? Почему ей захотелось затем, после выздоровления, побывать на месте аварии? И этот не знакомый ему мужчина...

Марк Георгиевич был уверен, что держит нити игры в своих руках. Оказывается, не все было так просто. Супруга, которой он доверял, что-то проворачивала у него за спиной. Или не проворачивала? Тогда как объяснить ее поведение? Связана ли была ее встреча здесь, на Ленинских горах, с его планом? Или не связана?

В этот миг он расхотел менять план в той части, которая касалась Риты.

4

Фомин находился в своем загородном доме. Он сидел в гостиной в глубоком кресле возле дубового стола. На коленях у него лежал «Ремингтон», ноги вытянуты, пятки покоились на стоящем рядом другом кресле. Руки ласково двигались по гладкой поверхности оружия. На столе лежал ПТУРС – так, чтобы хозяин особняка мог легко дотянуться в случае чего и до него.

На улице уже сгустились сумерки. Фомин сидел лицом к широкому окну и зорко вглядывался в пространство за окном.

В гостиной свет не горел. Конечно, при освещении было бы спокойней, но тогда он не увидел бы, что творится снаружи. А этого никак нельзя было допустить. Потому что Они в любую минуту могли предпринять попытку прорваться к нему в дом. И он должен быть готов к вторжению.

За окном все было знакомо. На темном фоне выделялись кроны деревьев, Фомин улавливал движение качающихся от ветра ветвей. И больше ничего. Но все могло измениться. В любую минуту. Он это знал. Враги могли подкрасться с другой стороны дома. С той, которую он не мог сейчас наблюдать. Но другие части дома его не интересовали. Потому как Они вот уже в который раз приходили к нему именно с этой стороны, как заведенные. Он относил это на счет игры в открытую. Они не боятся его и хотят схлестнуться с ним. Не укрываясь, лоб в лоб.

У него на губах заиграла самодовольная полубезумная улыбка. Он Их тоже не боится. Он готов вступить с Ними в бой.

Фомин продолжал нежно гладить поверхность «Ремингтона». Да, он вполне готов. Они не такие уж умные, раз позволяют подловить Их. Конечно, не умные. Он гораздо хитрей Их. Вот так-то!

За окном картинка едва уловимо изменилась. Фомин напрягся и приподнял «Ремингтон».

На стекло нечто легло. Фомин прищурился. Это нечто напоминало по форме руку. И тут он услышал противный тонкий взвизг, который больно ударил по нервам.

«Кто-то скребется», – застучало призывно у него в висках.

Скрежет продолжился. И темный силуэт руки стал двигаться кверху, к форточке. Это Они. Они вновь предприняли попытку достать его. Ха-ха! Что ж, пусть попробуют.

Его руки сжали оружие. От скрежета все заклокотало внутри. Показалось, что еще немного – и его вытошнит.

Ствол «Ремингтона» переместился в направлении окна. Доктор приказал ему не применять оружие. Что ж, он готов был следовать указаниям психоаналитика. До сей поры был готов. Но теперь возникла другая ситуация. Этот скрежет... От него необходимо было избавиться. Иначе тот взорвет его изнутри. Он не мог его слушать. Это мерзкое тоненькое визжание... Омерзительнейшее визжание! Наверняка Они и хотят его этим добить, стукнуло тут же в мозг. Конечно. Ядом и другими средствами у Них не получилось, теперь предприняли иное. Ну что ж, сейчас он Им задаст...

До выключателя, которым врубался прожектор, нужно подниматься и пересекать гостиную. А его нервы могли не выдержать даже нескольких секунд.

Палец плавно лег на спусковой крючок. Выстрел прозвучал в комнате довольно звонко, Фомин даже замотал головой, почувствовав, что заложило уши.

Стекло в окне со звоном рассыпалось, и осколки полетели на пол. Вслед за этим послышался легкий вскрик, словно сова ухнула.

Он глубоко вздохнул. Свежий воздух ворвался в гостиную через образовавшийся проем. Запахло пороховым дымом.

Фомин продолжал держать «Ремингтон» на изготовку. За окном была привычная картинка. Темнота и на ее фоне пятна крон деревьев.

«Получили!» – пронеслось у него в мозгу.

Попробуйте потягаться. Он умнее Их. Он намного умнее Их.

«Ремингтон» вновь лег на колени. Нужно бы зажечь прожектор. Эта мысль, однако, быстро отошла на задний план. Не нужно. Теперь он будет просто стрелять. Доктора нет. Он обещал приехать, но его нет. А раз так, то он будет по-своему расправляться с Ними.

Раз доктор не выполняет своих обязательств, он тоже не будет выполнять свои. Он будет поступать так, как сам сочтет нужным. На лице у него заиграла злорадная улыбка. А может, доктор испугался Их? Вполне может быть. Но сам он не из пугливых. Он победит Их.

Фомин неподвижным взором продолжал глядеть в пустую глазницу окна.

Через какое-то время до его слуха донеслось легкое урчание двигателя автомобиля. Машина приближалась. Вот она остановилась у его калитки. Фомин четко видел блики света фар, которые, как только автомобиль остановился, исчезли. Сердце его, готовое вот-вот вырваться из груди, застучало сильнее. Они продолжали наступать на него. Что ж, он задаст Им сегодня жару.

«Ремингтон» лег на стол. Руки потянулись к портативной ракетной установке. «Автомобиль ведь пулей не возьмешь», – пронеслась в голове весьма здравая мысль.

Послышался скрип открываемой калитки. И следом раздался громкий возглас:

– Андрей Викторович!

Это доктор. ПТУРС застыл на полпути к плечу.

Фомин заморгал, словно просыпаясь. С секунду поколебавшись, положил трубу назад на стол и поднял «Ремингтон». Несмотря ни на что, нужно быть готовым к нападению. Они слишком хитры. Правда, не так, как он. Он-то намного хитрее Их. Уж это ему было известно наверняка.

– Андрей Викторович! – Голос раздался уже совсем близко.

Фомин поднялся, пересек гостиную и включил наконец прожектор. А затем вышел на веранду, продолжая держать оружие в руке.

Доктор стоял на ступеньках крыльца, заслоняясь рукой от яркого света прожектора. Фомин не торопился, даже несмотря на то, что узнал психоаналитика. Подвоха можно было ждать с любой стороны.

– Я приехал, как и обещал, – крикнул Лаврентьев, продолжая щуриться от яркого света; он увидел Фомина через застекленное окошко двери веранды.

Тот опустил оружие и занялся замками. Их было три. После того, как Они попытались ворваться к нему через эту дверь, он врезал дополнительно два замка.

Фомин раскрыл дверь и выглянул на улицу.

– Вы один? – осведомился он на всякий случай.

– Один. Конечно, один, – Лаврентьев шагнул к двери.

Фомин отошел в сторону, пропуская гостя.

– Я думал, вы уже не приедете, доктор.

– Я же обещал, что буду у вас.

– Да, обещали. Но после того, как Они пытались пробраться ко мне через окно, я посчитал, что вы отступили.

– Когда это произошло?

Лаврентьев пристально смотрел на своего пациента. Казалось, он хотел проникнуть в самые отдаленные уголки больного сознания Фомина.

– Только что. Совсем недавно.

– Вы стреляли? – Лаврентьев скосил взгляд на «Ремингтон».

– Мне пришлось, доктор. На этот раз пришлось.

– Вы же обещали не делать этого.

– Обещал. Но вас не было, – веско возразил Фомин. – Я думал, вы уже не приедете.

– Надеюсь, вы никому не причинили вреда?

– Только Им, доктор.

– Что значит – Им? – Лаврентьев насторожился; его взгляд отчего-то затравленно метнулся в сторону входных дверей.

– Я слышал вскрик. Или не вскрик. Что-то похожее на это.

– О боже мой!..

– Да, доктор. Я крепкий орешек, – гордо выпятил грудь хозяин дома. – Им так просто меня не взять.

– У вас есть фонарик? – неожиданно спросил Лаврентьев.

Фомин на некоторое время задумался. Его мозг отказывался столь внезапно менять темы. Наконец он пришел в себя:

– Зачем он вам?

– Я хочу посмотреть, что вы натворили.

– Вы хотите убедиться, что я подстрелил кого-то из Них?

– Черт побери, нет. Я хочу убедиться, что ничего серьезного не случилось.

– Как это не случилось, доктор? Меня хотели убить. Вы считаете это несерьезным?

Вопрос был задан столь непринужденно, что Лаврентьев сразу даже не сообразил, как на него ответить.

– Давайте сначала посмотрим, – неловко отмахнулся он.

Но Фомин воспринял это по-другому.

– Что ж. Я тоже не против посмотреть, доктор. На то, как я расправился с Ними. Это только начало. Их много, но я справлюсь, доктор. Вы ведь мне поможете в этом, правда? Вы ведь не один из Них?

– По-моему, на эту тему мы уже говорили. Я не один из Них. Я с вами... Так вы достанете свой фонарик?

Фомин насупился, но затем кивнул, двинулся к ящику, что стоял в углу веранды, порылся в нем и извлек на свет фонарик.

Лаврентьев, проверив, работает ли фонарик, двинулся к выходу.

– Я с вами, доктор, – бросил в спину психотерапевту Фомин.

– Как хотите, – не оборачиваясь, ответил тот.

– Хочу ли я? Конечно, хочу. Тем более что вас нужно прикрывать. Вы ведь не знаете, какие Они. Насчет ума Они те еще. Но я намного умнее Их. Уж не сомневайтесь в этом. Так что со мной вам ничего не грозит. Я сумею Их встретить, если Они вздумают нас подкараулить.

Лаврентьев досадливо махнул рукой – какую помощь может оказать больной пациент, он себе хорошо представлял, – вышел на улицу и побрел вдоль дома, освещая себе путь. Круг света нервно плясал по зеленой траве, пока не остановился на ярко заблестевших осколках стекла. Прожектор эту часть территории не освещал.

Лаврентьев переместил световое пятно выше – к окну, затем вновь опустил на землю.

– Это здесь, – раздался за спиной голос Фомина. – Странно. Никого нет, доктор. Но я могу поклясться, что попал.

Лаврентьев оставил без ответа реплику пациента и двинулся вперед. Обследовав близлежащую территорию, он вернулся к Фомину, который продолжал стоять возле разбитого окна.

– Ничего не понимаю, доктор, – обескураженно проговорил Фомин.

Казалось, отсутствие поверженного тела одного из Них его просто ввело в транс, из которого он никак не мог выйти.

– Все в порядке, – уже успокоился Лаврентьев.

– Вы считаете, доктор? – недоверчиво поглядел на него Фомин.

– Да. Пойдемте в дом. Нам нужно о многом поговорить.

– Но...

– Вы обещали мне доверять. Помните?

– Конечно, доктор.

– Тогда доверьтесь мне, – твердо произнес в темноту психоаналитик.

Его убежденность подействовала на Фомина. Тот враз подобрался, и в походке его появилась уверенность.

Они прошли в гостиную.

– Выключите прожектор, – попросил Лаврентьев. – Незачем привлекать внимание.

Это объяснение Фомин понял по-своему:

– Вы правы, доктор. Незачем привлекать Их. – Он погасил прожектор. – Может, и в гостиной выключить свет?

– Зачем?

– Ну как же, – Фомин с неодобрением покачал головой и кивнул в сторону выбитого окна.

– Заложите дыру подушкой, – посоветовал психоаналитик.

Фомин прищурился, а затем довольно кивнул:

– Сейчас сделаем.

Он положил «Ремингтон» на стол и двинулся во вторую комнату, на ходу бросив Лаврентьеву:

– Если что – стреляйте.

Лаврентьев поморщился, подошел к столу и посмотрел на оружие. Он никогда не при­трагивался не то что к ПТУРСу и «Ремингтону», но даже к самому простому пистолету. Он даже не служил в армии. Закончив институт, заочно получил звание.

Фомин вернулся в гостиную довольно быстро. Он нес огромную пуховую подушку и при этом заговорщицки подмигивал Лаврентьеву, как бы говоря: мы теперь оба повязаны, доктор. С силой втолкнул подушку в окно, проверил, чтобы «затычка» не вывалилась ни в ту, ни в другую сторону, и подошел к столу.

– Любуетесь на оружие, доктор? – лучезарно, с детской непосредственностью улыбнулся он.

Лаврентьев поспешно отвел взгляд от стола.

– У меня для вас есть «Беретта». Я уже говорил вам об этом.

Доктору удавалось сохранять спокойствие. Он пододвинул к себе поближе кресло и уселся в него, жестом приглашая хозяина особняка устраиваться напротив.

Психоаналитик осматривал гостиную. Комната была довольно просторная. Камин с резной чугунной решеткой, ковры на стене и на полу; кожаный диван, два кресла, стол и три стула возле разбитого окна.

– Я рад, что вы со мной, доктор. – Фомин сел в свободное кресло напротив психоаналитика.

– Я сказал, что вам помогу. То, о чем я просил, у вас?

– У меня, – Фомин с хитрецей прищурился.

Лаврентьеву это не понравилось.

– Вы говорили, что передадите мне Это.

Хитрый прищур не сходил с лица Фомина:

– Да, доктор.

– И что же? – начинал раздражаться Лаврентьев.

– Это опасно.

– Что опасно?

– Я все хорошенько спрятал. Вы не волнуйтесь. Никто не найдет. Просто опасно сейчас Это доставать.

– Почему?

– Они наблюдают за нами, – напомнил Фомин.

– Вы Их отпугнули своим выстрелом, – попытался схитрить психотерапевт.

– Нет, доктор. Ведь на земле возле окна никого не было. Значит, Они вернутся. Обязательно. Подождите немного...

Он замолк, прислушиваясь. И Лаврентьев невольно тоже прислушался. Ничего, кроме шума ветра за стенами, слышно не было. Но это только для Лаврентьева. Больное сознание Фомина сумело уловить Нечто, что показалось ему довольно настораживающим.

– Слышите?

Лаврентьев опять прислушался:

– Ничего.

– Они здесь, доктор. Я Их чувствую. Они наблюдают за мной. Поэтому я не могу достать то, что вы просили. Они сразу же увидят.

– Тогда скажите мне, где ваш тайник.

– Вы не поняли, доктор. Они здесь. Я не смогу даже сказать. Потому что Они услышат.

– Тогда напишите мне на бумажке, – не отступал Лаврентьев.

– Этого тоже нельзя делать. Неужели вы не понимаете, доктор? Они все видят. Они очень умные. Но я все равно Их хитрее. Я намного Их хитрее.

Все. Лаврентьев разочарованно откинулся на спинку кресла. Фомин стал ходячей бомбой с часовым механизмом. В любой момент эта «бомба» могла взорваться. До сих пор он еще как будто не подступал к невидимой грани, отделявшей реальность от безумия. Но в эту минуту он приблизился к ней вплотную и был готов ее пересечь. В любую секунду. И если это произойдет, Фомин станет просто не нужен ему, Лаврентьеву.

– У вас есть что-нибудь выпить? – спросил врач, несколько смягчая беседу.

– Выпить? – На секунду на лице у Фомина проскользнуло удивление, а затем он расплылся в довольной улыбке. – Что-нибудь покрепче?

– Нет. Я за рулем.

– Вы собираетесь меня покинуть? – огорчился пациент.

– Мне необходимо будет сделать это. Чтобы помочь вам. Вы ведь хотите, чтобы я вам помог?

Фомин нахмурился, как бы стараясь разобраться в словах доктора. Затем поднялся, вышел на веранду и вернулся через несколько минут с двумя баночками «колы». Одну он протянул психоаналитику, другую оставил себе.

– Это из моих запасов, – хмыкнул Фомин. – Можете пить, не боясь.

– Спасибо, – психоаналитик открыл баночку и поднес к губам.

Фомин исподлобья наблюдал за действиями доктора. И когда тот принялся пить, благоговейно улыбнулся, словно до этого проверял, доверяет ему психоаналитик или нет. Поняв, что доверяет, он успокоился. И открыл свою баночку.

– Вы по-прежнему верите мне? – вернулся к теме Лаврентьев.

– Можете не сомневаться, доктор.

– Тогда вы должны достать мне то, что обещали. Иначе мне не справиться с вашими врагами.

Фомин тупо смотрел в поверхность стола.

– Когда вы мне отдадите Это, я покажу вам вашего врага. А когда вы увидите врага, то сможете расправиться с ним и освободиться раз и навсегда.

– Правда, доктор? – у Фомина так и загорелись глаза.

– Я вам обещаю.

– Хорошо, я так и поступлю. Но Это должно попасть только в ваши руки, я прав, да?

– Совершенно верно.

– Тогда я сделаю все после того, как вы уедете. Я улучу момент, когда Они не будут подсматривать, и достану то, что вы хотите.

Лаврентьев на секунду задумался, а затем согласился:

- Пусть будет так. Вы привезете завтра ко мне на работу...
- Это опасно, доктор. Я уже говорил. Лучше приезжайте сами.

Лаврентьев нахмурился. Такой вариант его несколько не устраивал. Однако спорить сейчас он не решился. Этого вообще не стоило делать. Нужно было постараться зафиксировать состояние, в котором сейчас пребывал Фомин, и не позволить этому состоянию ухудшиться.

- Ладно. Я приеду.

Они выпили колу, и после этого Лаврентьев стал прощаться.

- Не делайте новых глупостей. Они сегодня к вам больше не вернутся.

- Почему вы так думаете? – усомнился Фомин.

- А разве Они больше одного раза в день появлялись у вас?

Фомин хмыкнул:

– А вы умный, доктор... Не волнуйтесь. За меня не волнуйтесь. Я буду очень осторожен. Завтра мы с Ними разберемся, правда?

- Правда. Завтра вы узнаете своих врагов. Потерпите. И сделайте то, что обещали.

Уже на веранде Фомин, словно неожиданно вспомнив важную вещь, убежденно проговорил:

- Вы должны беречь себя, доктор. Хотите, я дам вам «Беретту» прямо сейчас?

Лаврентьев вздрогнул и поспешно отказался:

- Этого не нужно.

- Они опасны, доктор, – не унимался Фомин, лукаво стреляя глазами.

- Я справлюсь. Ведь я до сих пор делал это.

Фомин нахмурился, а затем недовольно пробурчал:

- Ну, ладно. Как хотите.

Когда психоаналитик вышел на двор и двинулся по усыпанной щебенкой тропинке к калитке, Фомин сказал ему в спину:

- Я буду ждать, доктор.

И тут же раздался стук закрываемой на веранде двери.

Лаврентьев даже не обернулся.

5

Она ждала его в ста метрах от дома Фомина. «Мазда» с включенным дальним светом тормознула, и Рита запрыгнула на переднее сиденье.

- Что так долго? – хлопнув дверцей, поинтересовалась она.

- Всего не предусмотреть, – неопределенно буркнул он, отпуская педаль сцепления.

Дорога была отвратительной. Да и дорогой назвать это было нельзя. Так себе – выбитая колесами автомобилей колея. С ямами и ухабами. Приходилось тащиться на второй скорости. И Лаврентьеву не нравилось это. Жутко хотелось убраться отсюда поскорее.

- Все прошло как надо? – заглянула ему в глаза Рита.

- Ты молодец, – Лаврентьев бросил поощряющий взгляд на жену.

Лицо женщины было спокойным. Ни тени напряжения или нервозности... Великолпно. Она отлично справляется со своей частью его плана. Справлялась раньше, справляется и теперь. Она играла роль «врагов». Она была ими. Они – в одном лице. Те, кого боялся Фомин. Те, которые пытались его уничтожить и вламывались в его квартиру и загородный дом, – это все была Рита.

– Я испугался за тебя. Сколько раз я убеждал его не применять оружия, но это бесполезно. Уже бесполезно.

- Не важно. Это не важно. Я жива. И здорова. Он плохо стреляет, только и всего.

– Тем не менее ты могла бы показаться, когда я подъехал к его дому.

– В этом не было необходимости. Он ведь мог сразу после выстрела выбежать во двор.

Не стоило рисковать. Я с тобой – и все в порядке.

– Угу, – словно филин, прогудел себе под нос психоаналитик.

– Он отдал тебе то, что ты хотел? – после непродолжительной паузы спросила женщина.

– Он отдаст завтра.

Завтра многое должно решиться. Лаврентьев недобро ухмыльнулся.

Когда они выезжали на шоссе, психоаналитик еще раз бросил мимолетный взгляд на жену. Лицо у нее по-прежнему было спокойное. Ни тени эмоций.

Бог с ней, с Ритой, неожиданное раздражение охватило его. Завтра и с нею все решится. Правда, сама жена об этом не знала. Но он-то знал. Он все хорошо знал. Потому как это был его план. И он его завтра завершит. Он сдаст «врага» своему сумасшедшему пациенту.

Глава 4

1

В это утро я снова был разбужен. Кто-то поднял мою голову за волосы и тряс ее, словно грушу. Я открыл глаза и удивленно уставился перед собой. Смотреть было больно. И непросто, потому что от тряски все так и плясало у меня перед глазами.

Спал я на кухне за столом, положив на полированную поверхность свою несчастную, одурманенную алкоголем голову. Из нее явно пытались что-то вытрясти. И, видимо, у кого-то это никак не получалось. Да и что с больной головы можно взять?

Я наконец не выдержал и приподнял руку, чтобы схватить ненавистного трясуна. Но едва я сделал это движение, как мою голову отпустили. Наверно, от меня только того и хотели, чтобы я пришел в себя. Ну что ж, вот и пришел... Оторвавшись от столешницы, я уставился перед собой широко раскрытыми глазами.

В трех метрах от меня стоял Хан. Засунув руки в карманы брюк, он недовольно сверлил меня взглядом. Трясуном, соответственно, был «боксер», то бишь Бурый. Он возвышался надо мной и готов был по малейшему знаку хозяина казино начать свою процедуру снова.

– Ты что, с утра до вечера хлещешь водку? – хмуро спросил Хан.

Мне показалось, что лицо его едва не перекосилось от злости.

Я глянул на часы, они показывали половину восьмого.

– Слышь, очень бурый человек, – это я обращался к «боксеру». – Там в холодильнике пиво. Не достанешь мне бутылочку?

«Очень бурый» парень позеленел. Да, в настоящий момент Зеленка для него было более подходящим прозвищем.

Его рука легла мне на плечо. Довольно увесистая, заметил я, ручка. Не знаю, что он хотел со мной сделать. К сожалению, это осталось в тайне, а может, и не к сожалению. Так или иначе, но Хан поспешил предупредить возможный конфликт.

– Оставь его, Бурый. И отойди в сторону.

«Боксер» повиновался и отошел на шаг в сторону, поближе к газовой плите. Погреться, наверное, захотел.

– А ты прекрати выпендриваться, – зыркнул в мою сторону Хан. – А то у меня уже крутится мысль, не начинает ли тебе мешать язык. При желании можно все устроить. На твоей работе он, в общем-то, особенно и не нужен.

Ну тут я с ним мог бы поспорить. Без оной части тела мне никак не преуспеть на работе. Но спорить с Ханом – это все равно что препираться с телеграфным столбом.

– Как скажешь, – пошел я на попятную и поднялся из-за стола. – Ну что ж, сам достану.

Я прошел к холодильнику, достал бутылочку, откупорил ее и присосался к горлышку, после чего благостно вздохнул.

– Теперь ты в состоянии работать мозгами? – осведомился Хан, не отводя от меня взгляда.

– Еще как в состоянии, – уверил его я, и это была святая правда. Не так уж я вчера вечером и напился; если по сравнению с прошлым разом, то, можно сказать, побаловался.

– Сегодня ты должен показать нужного мне человека. Надеюсь, не забыл об этом?

– Нет, конечно. Но я вроде сказал, где он должен быть.

– И я вроде тоже тебе кое-что сказал. Ты поедешь со мной, – было произнесено тоном, не терпящим пререканий.

Я не стал пререкаться, только пожал плечами. Пожалуйста, можно и съездить.

– А мой гонорар?
– Когда я увижу Корша, тогда и получишь.
Спорить было бессмысленно.
– Ты не мог потерпеть, чтобы хоть день не нажираться? Где Армен?
Ага, значит, они сразу прошли на кухню. Не заходили в комнату. Словно по запаху поняли, что я здесь.
– Да скорее всего спит, – неуверенно бросил я.
– Пошли, – скомандовал Хан.
Дверь в комнату была прикрыта, и из-за нее раздавался мирный храп.
Хан не стал останавливаться. И резко распахнул дверь.
– Подъем! – гаркнул он.
Джигит подскочил.
– Собирайтесь. Мы отваливаем. У нас мало времени.
Ну, положим, времени еще было достаточно. Но пререкаться я снова не стал. Скоренько привели себя в порядок – и я, и Армен.
Первым из квартиры вышел Бурый, за ним Хан, следом Армен, я замыкал шествие.

2

Мы подъехали к месту в половине девятого.
– Лучше раньше, чем поздно, – мудро резюмировал Хан.
Мы добрались на трех машинах. В первой, трехсотом «мерсе», сидели сам Хан и Бурый – водитель; во второй, «Ауди», кто-то еще из шайки Хана. Сколько в ней было людей, я не знаю, стекла глубоко затонированы, а посему, что творится в салоне, было не разобрать. Ну и в третьей машине, «БМВ», ехали я и Армен.
За все время пути джигит начал разговор только раз:
– Слышь, твои бабы – это да! Армэн просто оталдел.
– Обалдел, умник, – поправил я.
– Знаю, да. Я и говорю.
Дальше мы ехали молча.
Припарковавшись на стоянке недалеко от гостиницы «Прага», Хан снарядил троих человек к парикмахерской. На что я, выбравшись из машины и подойдя к той, где сидел Хан, выразил свои сомнения: засвечивать свои рожи у парикмахерской было не очень правильно. Хан задумался и пояснил, что люди будут меняться. А кого искать – его ребята знают. В этом я не сомневался.
Двое были из «Ауди», третьим отправился Бурый.
Через полчаса он вернулся, вместо него к месту дежурства заспешили двое других из «Ауди». Из чего я сделал вывод, что в данной машине находились как минимум четыре человека. Через пять минут вернулись двое из первой вахты и заняли места ушедших.
Такая чехарда происходила до десяти минут одиннадцатого. И мне, честно сказать, это не нравилось. Чего доброго, эти крутые ребятки решат «замочить» своего клиента не отходя, что называется, от кассы. Очень мне не хотелось быть втянутым в такое дерьмо.
В десять минут одиннадцатого из перехода в сторону Старого Арбата вышел мужчина. Он выделялся из толпы двигавшихся в это время в обе стороны людей. И не только одеждой. Хотя и был он одет, как лондонский денди: легкий светлый костюм, белоснежная рубашка, галстук в тон костюму. Он выделялся еще и крупным телом, атлетически сложенной фигурой. Глянув внимательно на лицо, я сразу же понял – это тот, кого мы ждем. Открыл боковое окно и высунул голову в направлении машины, в которой сидел Хан. Тот вытянул через боковое окно руку и щелкнул пальцами. Дескать, я вижу, сиди и не рыпайся.

Но не рыпаться я не мог. И поэтому, как только Корш скрылся за углом «Праги», я выскочил из машины и подбежал к «Мерседесу»:

– Я могу считать свою миссию законченной?

– Сядь и жди, – Хан даже не посчитал нужным повернуть в мою сторону голову.

– Вы, надеюсь, не собираетесь его здесь «мочить»? – насторожился я.

– А тебе-то что? – хмыкнул Хан.

– Как что? Я вчера засветился в парикмахерской...

– Никто никого не собирается «мочить», – ставя акцент на каждом слове, проговорил Хан: – Сядь. И жди.

Я вернулся в «БМВ». Спорить было бесполезно.

– Что дэргаешься, а? – выразил свое удивление Армен. – Все вэдь хорошо, нэт?

– Да вот дергаюсь, – пыхнул я. – Термит мучает.

– Тэрмит? Какой тэрмит?

– Есть такая гадость.

– Да-а, – Армен как-то даже отодвинулся от меня, словно от прокаженного. – У Армэна тэрмит нэт.

– Будет, – со знанием дела пообещал я.

– Шутишь, да? – Армен никак не мог понять, когда я серьезен.

– Помолчи, да? – передразнил его я.

Армен обиженно заткнулся. Но мне на его обиду было глубоко наплевать. Мне нужно было хорошенько подумать. Что-то мне стала активно не нравиться вырисовывающаяся ситуация. В воздухе я почувствовал запах чего-то недоброго. Нюх у меня отменный, от него и живу.

Время текло довольно медленно. В одиннадцать Корш вновь появился в поле нашего зрения. Он направлялся к подземному переходу. У него была свежееуложенная прическа. Двое из группы Хана двигались следом – примерно в десяти метрах. Наверняка им был дан приказ взять нужный объект в более-менее тихом месте. Но неужели Хан считает, что эта парочка справится с Коршем? Конечно, его «шестерки» выглядели довольно впечатляюще, но все равно парень в летнем костюме был намного крупнее их, а если брать в расчет, что он прошел Чечню, спецназ, то я бы, если бы рядом был тотализатор, поставил на Корша. Специально обученный, натасканный, имеющий опыт боевых операций – короче, для него прислужников Хана было маловато.

И Хан, видно, понял это. Из «Ауди» вышли еще двое бойцов. Вразвалочку они двинулись на подмогу своим. Перешли на другую сторону улицы – и тут же застыли. И было от чего.

Корш уже входил в подземку, когда произошло что-то невероятное.

Я смотрел в лицо этому бывшему спецназовцу, пытаюсь понять, чем он так провинился перед Ханом. И что за жизнь он вел здесь на гражданке. Ведь я тоже служил в спецназе. Я тоже варился в этой каше. Правда, участвовать в войне мне не пришлось. И слава богу! Я смотрел в лицо Корша. И... И вдруг лица не стало. Вместе с головой.

Это была просто фантасмагорическая картинка. Идет человек и неожиданно – бац, голова раскалывается, что спелый арбуз, на части, разбрызгивая содержимое во все стороны.

Был человек, а стал прохожим без головы. Почти как у Майна Рида, только новая версия. Современная.

Раздавшиеся крики людей, которые шли рядом с Коршем, достигли и моего слуха, несмотря на то, что нас разделяло довольно приличное расстояние. Тело без головы простояло секунды две, а затем рухнуло на ступеньки и исчезло из моего поля зрения. Случайные прохожие, на которых попали капли крови, с ужасом отряхивались. Крики усилились и толпа увеличилась.

Я не выдержал, выскочил из машины и остался стоять рядом, устремляя взор в направлении подземки. Кроме суетящихся там людей, я ничего не рассмотрел.

Из «Мерседеса» выбрался Хан. Лицо его было белым как мел. В глазах у него, мне показалось, не было вечной колючести. В них застыло недоумение.

Выстрела слышно не было. Но то, что стреляли, не вызывало сомнения. Характерное разрушение плоти могла произвести только пуля, обладающая ужасающей силой. И выпущена она была из оружия типа «Винторез» – бесшумной автоматической винтовки, которыми оснащались спецподразделения.

Я попытался определить, где мог находиться снайпер. Скорее всего где-то недалеко от нас. За тротуаром теснились дома, и на крыше одного из них вполне мог затаиться стрелок. Мне стало не по себе. Я опять обратил внимание на место трагедии. К толпе бежали трое полицейских. Ребята Хана немедленно развернулись и пошли к машине. Хан махнул мне рукой и скоренько юркнул в «Мерседес».

Я забрался в «БМВ». Пискнула рация, и Армен быстро подхватил ее. Выслушав распоряжение, он бросил мне:

– Хан велел ехать к тебе.

Ничего себе заявочки! Совсем уже ни в какие ворота не лезет. Но доказывать что-либо было некому. «Мерседес» выкатывался со стоянки, следом «Ауди». И Армен не отставал.

Да, нужно было сматываться, и чем быстрее – тем лучше. Сейчас подъедет основная группа оперативников. Как пить дать начнут останавливать все машины подряд. А я тут, понимаешь, разъезжаю с лицом нерусской национальности...

Что-то мне стало хреново. После смерти Корша я понял, что вляпался в какую-то неприглядную историю. Очень неприглядную. Хан в смерти Корша явно не был виноват, это я хорошо понимал. Незачем ему было светиться здесь, если бы он нанял снайпера. Значит, стрелок действовал самостоятельно. Или по чьей-то указке. Но никак не с подачи Хана.

Чем же так провинился Корш и перед Ханом, и перед кем-то еще? Предчувствие меня еще никогда не обманывало. А было оно сейчас у меня весьма нехорошее...

3

К моему удивлению, приехали мы довольно быстро и без каких-либо приключений. Поднялись ко мне в квартиру в том же порядке, в каком выходили: первым – Бурый, за ним – Хан, ну а дальше – Армен и я. Правда, у дверей квартиры меня любезно пропустили вперед, решив на этот раз позволить самому хозяину открыть свое жилище. Спасибо и на этом.

Как только Хан вошел в мое холостяцкое логово, он сразу бросился в комнату и метнулся к журнальному столику. Хищным взглядом оглядел то, что осталось после попойки, выудил недопитую бутылку водки и жадно прильнул к горлышку. Я пробовал пить водку таким образом всего один раз. Честно говоря, не очень приятное ощущение. Можно сказать, мерзопакостное. Но не для Хана. Тот вылакал водку, довольно крикнул и перевел дух. Даже не стал закусывать, сволочь. Впрочем, с закуской на столе была некоторая напряженка.

Хан посмотрел на меня. Я к этому времени уже закрыл входную дверь и стоял на пороге комнаты, наблюдая за гостями. Бурый и Армен торчали в метре от Хана и с некоторым сожалением, я бы даже сказал со слюной во рту, смотрели на столик. Но вперед Хана никто из них лезть не осмеливался.

Мне, конечно, было плевать на их иерархию. Я в нее никоим образом не вписывался, да и не желал. А посему мог бы и хлебнуть, не спрашивая дозволения Хана. Однако отчего-то пить не хотелось. Ничего не хотелось. Хотя нет. Очень было желательно, чтобы меня оставили одного. В известном месте я видал такие «ананасы».

– Надеюсь, ты понимаешь, что я к этому не причастен? – наконец выдавил из себя Хан, окидывая меня изучающим взглядом.

Он пришел в норму – скорее всего, после выпитого. Глаза вновь стали колючими, лицо – хмурым. Короче, прежний у нас был Хан.

– Согласен. Ты к убийству не причастен. Но тогда кто?

– Откуда мне знать? Корш мне был нужен живой. Понимаешь, Виртуоз? Жи-вой! – он со мной так говорил, словно я был туповат. – Ни хрена не пойму, что произошло. Я хотел взять его в безлюдном месте...

– Но кто-то помешал, – закончил я. – Ты не знаешь кто?

– А тебе-то какое дело? – неожиданно вспыхнул Хан. – Твое дело было найти Корша.

– И я нашел. Как насчет второй части гонорара?

Хан брезгливо хмыкнул и кивнул Бурому. И тот не замедлил себя проявить: из кармана была извлечена пачка банкнот и небрежно брошена на журнальный столик. Словно клочок использованной по назначению бумаги. Конечно, что для них пять тысяч?

Хан посверлил меня тревожным взглядом, нашел другую недопитую бутылку и сделал еще пару глотков. На столе стояли стаканы, но он их как будто не замечал. Несколько минут усиленно о чем-то думал. Наконец, придя к какому-то решению, залез в карман рубашки, вытащил блокнот, некоторое время листал его и выудил-таки необходимую вещь. Честно говоря, я уже стал догадываться, что это будет, и внутренне готовился к сопротивлению. К ярому сопротивлению.

Хан протянул мне часть фотографии. Фрагмент того же снимка, из которого я уже имел один – Корша. Которого (Корша, естественно) уже не было в живых. На другом фрагменте был запечатлен еще один спецназовец. На этот раз фотография была аккуратно обрезана с левой стороны. И я понял, что существует еще центральный фрагмент снимка. С другими лицами. Или, по крайней мере, с одним лицом.

– Найди мне этого человека, – просто попросил Хан, словно до этого и не давал мне никакого поручения.

– Ты не понимаешь, – я покачал головой. – Я не могу больше заниматься твоими должниками.

– Это почему же? – воззрился на меня Хан.

– Потому что я засветился в парикмахерской, когда выспрашивал о Корше. Если полиция туда сунется и начнет выяснять о погибшем, там информация о моем визите всплывет тотчас. Мне нужно тихонько переждать неблагоприятные дни.

– Это если Корша опознают, – резонно заметил Хан.

Что ж, этого тоже не надо исключать. Головы нет. Если в кармане бывшего спецназовца отсутствуют документы, если его пальчики нигде не проходят по картотеке, то... Впрочем, это весьма слабая надежда. Опера могут прошвырнуться по находящимся рядом заведениям, просто выспрашивая о человеке в светлом костюме. Так что... Об этом я и сказал Хану. Но того не так легко было унять.

– Я не верю в расторопность оперов, – ожег он меня взглядом.

А вот это зря. Не такие уж они и лопухи. Бывают, конечно, но об этом я уже не сказал своему гостю. Потому как у него все равно нашелся бы ответ. Соответственно – с его колокольни.

– Это твое право, – проговорил я.

Хан криво усмехнулся. Этот ответ его явно не удовлетворил.

– Ты получишь десять штук аванса. И десять после того, как дашь мне информацию об этом человеке, – невозмутимо заулыбался он, словно я уже дал согласие.

И тут же кивнул Бурому. Тот расстегнул знакомый карман и вытащил новую пачку долларов, потолще, которую бросил к первой на журнальный столик. У меня появилось подо-

зрение, что у Бурого карман, как у фокусника цилиндр, и он будет извлекать из него пачки с купюрами до бесконечности.

– Послушай, Хан, – не поддайся искушению я, продолжая отпираться. – Я рискую...

– Все мы рискуем, – философски заявил хозяин казино. – Тебя ведь никто еще ни в чем не обвиняет. Чего ты нюни распустил? В парикмахерской засветился, понимаешь. Херня это все. Фуфло, одним словом. А за риск тебе и платят. И неплохо, заметь.

Конечно. За каждую последующую голову ставки увеличиваются вдвое. Недурно, недурно... Только для подпольного казино Хана. Меня отчего-то эти деньги не очень радовали, хоть ты тресни!

– Ты же знаешь, – я все еще не сдавался, – я занимаюсь исключительно должниками. То есть теми людьми, которые должны кому-то деньги.

– Что ты мне пургу гонишь? – начал злиться Хан. – Я тебе что-то иное предлагаю? Я хочу, чтобы ты сделал свою работу – нашел мне моего должника.

– Еще одного должника, – съязвил я.

– Еще одного должника, – не замечая моего сарказма или не желая замечать, повторил Хан.

– И опять только найти.

– Ты решил завязать со своим ремеслом?

Вопрос был задан с некоторой угрозой. Дескать, если ты мне откажешь, я тебе устрою сладкую жизнь. Вообще расхочется чем бы то ни было заниматься.

– Я не желаю участвовать в мокрых делах, – с некоторой озлобленностью произнес я.

Иронизировать желание у меня пропало.

– Тебя никто и не заставляет в них участвовать, – сбавил обороты Хан.

В его колючих глазах на миг проскользнула искорка страха. Мелькнула и исчезла. Конечно, он испугался не меня. Хотя я и мог, без лишней скромности, одним ударом ввести этого заносчивого ублюдка в бессознательное состояние, а в следующее мгновение свернуть шею верному телохранителю Бурому, а заодно и хорошенько потряхнуť Армена, если бы тот решился прийти на помощь к своим товарищам. Вполне я мог это сделать. Потому как меня этому учили. Только что бы я имел в дальнейшем? И Хан наверняка был убежден в том, что ничего хорошего я бы не имел. Поэтому искорка испуга блеснула не из-за меня. Интересно, кто это тебя, Хан, так крепко подцепил?

Я хмуро молчал. И Хан не выдержал.

– Послушай, Виртуоз, – начал он довольно мирно. – У меня очень мало времени. Очень мало. Иначе я бы к тебе не пришел. И не просил бы ни о чем. Я плачу хорошие «бабки». Найди мне этого человека. Еще одного. И все. Больше я к тебе не пристану. Клянусь.

– Ой ли? – не поверил я.

– Что случилось с Коршем – не моя вина, ты сам понимаешь. Поэтому мне теперь нужен этот человек, – Хан кивнул на фрагмент фотографии, который я держал в руке. – Очень нужен. И давай существовать мирно. Это ведь и в твоих интересах.

– Зачем тебе нужны эти парни? – спросил я, имея в виду и убитого Корша, и того, кого мне предлагал сейчас отыскать Хан.

Хан вмиг напыжился, словно у него пытались выведать некую суперважную тайну.

– Это не твое дело, – процедил он сквозь зубы. – Вредно много знать. Для здоровья. Ты только отыщи.

– И ты отстанешь?

– Клянусь, – Хан даже как-то вытянулся. Ему еще пионерский салют отдавать научиться.

Я перевел взгляд на часть снимка, которую передал мне Хан. На фрагменте в форме спецназа был запечатлен человек примерно того же возраста, что и Корш, но он был

несколько помельче. Лицо угрюмое, словно высеченное из гранита. На правой щеке шрам. Наверное, парню однажды досталось.

– Кто это? – спросил я.

– Лор, – Хан приободрился: как же, уломал меня! Хрен с тобой, радуйся. – Его звали Лор.

– Он друг Корша?

– Именно.

– Я хотел бы получить фотографию целиком, – провел разведку боем я.

Хан хмыкнул. Как-то недобро.

– Я же сказал, Виртуоз, здоровье нужно беречь. Зачем тебе знать лишнее?

– Что лишнего в целой фотографии? – я, честно говоря, не понимал Хана.

– Не твое дело, – неожиданно огрызнулся Хан.

Надо же, опять решил зубы показать.

– Ну, и как мне тогда найти этого Лора? – зло спросил я.

– Как и Корша, – отрезал Хан. – Ты забыл свое ремесло?

Ишь ты! Даже иронизирует.

– Я ничего не забыл. И, догадываюсь, что информации у тебя насчет Лора, как и насчет Корша, – с гулькин нос. Так, да?

– А почему, спрашивается, я здесь? – зарычал Хан. – Чтобы ты и откопал эту недостающую информацию.

– Логично, – не смог возразить я и, немного подумав, миролюбиво проговорил: – Ладно. Давай, что есть.

– А почти ничего, – ядовито хмыкнул Хан. – Так что виртуозничай, Виртуоз.

Ага, теперь и каламбурить начал.

– Когда ты его видел в последний раз?

– Как и Корша, три недели назад. Вернее, чуть больше.

– Ты говорил, что Корш замолк неделю назад.

– Да. А до этого еще две недели пудрил мне мозги. По телефону. Лично я его не видел.

– А Лор? Тоже пудрил мозги по телефону?

– Лор – нет. Я говорил только с Коршем.

– И ты опять уверен, как и в предыдущем случае, что Лор где-то в Москве или около?

– Уверен.

– Почему?

– Не твое дело, – огрызнулся уже в который раз Хан.

Мне это стало надоедать. Я даже выругал себя за то, что сдался. Нужно было все же настоять на своем. Плевать на все угрозы Хана. Когда не раскрывают карты до конца, – знай, что тебя в любой момент могут подставить. Не вывернешься.

– Лор и Корш что-то вместе проделывают? Вернее, проделывали, – поправился тут же я, вспомнив, что последнего уже не существует в живых.

– Слушай, прекрати задавать дурацкие вопросы, – Хана всего передернуло. – Лор такой же должник, как и Корш. И не важно, что они мне должны. Для тебя не важно. Ты найди мне Лора, всего-то. От тебя больше ничего не требуется. Все, что нужно, ты знаешь. Он где-то в столице. Или недалеко.

– Обширные сведения, – съязвил я. – У него кто есть?

– Только родители. Живут в городе. Но они ни фиги не знают. Мы у них были, можешь не сомневаться. Лор с ними не жил. И был в плохих отношениях.

– А где же он обитал?

– Снимал квартиру.

– Мне нужны адреса. И родителей, и квартиры, где он жил.

– Армен знает, – кивнул на кавказца Хан.

– Что?! – опешил я. – Ты опять подсовываешь этого умника?

Армен даже не дернулся в мою сторону. Видимо, его что-то удержало. Вполне возможно, наш диалог с Ханом не настраивал моего джигита на воинственный лад. Как, впрочем, и Бурого. Тот вообще смотрел не на нас, а все больше на журнальный столик, который притягивал его, как магнит.

– Извини. Но иначе никак.

Хан вновь приложился к бутылке, после чего отыскал на столике кусок колбасы и ловко отправил его себе в рот. Наконец-то решил закусить, как истинно русский человек. После третьей. И как крепкий русский мужик, даже не захмелел. Не заметил я этого. Видимо, дозы у него, что у моих подружек, – ведерные.

Я подошел к окну, раздвинул шторы и еще раз посмотрел на предложенную мне часть фотографии. Долго всматривался в нее. Наконец мои глаза ухватили нечто, что меня очень даже заинтересовало. Я быстренько прошел к секции, открыл одну из ячеек и достал лупу, с которой и вернулся к окну. И уже под увеличением стал рассматривать заинтересовавшую меня деталь на фрагменте. Неожиданно я почувствовал дрожь волнения в пальцах. Порылся в карманах и вытащил ту часть фотографии, на которой был Корш, и стал изучать оба фрагмента вместе. Наконец я удовлетворенно хмыкнул, положил лупу на подоконник, а два фрагмента снимка – в карман рубашки, и воодушевленно произнес:

– Хорошо, Хан, постараюсь найти тебе Лора. Но не более.

Хан во все глаза смотрел на меня. Видимо, мои действия вызвали в нем интерес. Он даже перестал жевать. Потом неуверенно спросил:

– Ты уже что-то унюхал?

Ага. Я ж тебе охотничья собака.

– А это уже не твое дело, – в его же стиле огрызнулся я.

Хан помрачнел. И на лбу у него стали заметны морщины. Наверное, силился проанализировать ситуацию. Дескать, чего это я такого углядел на фотографии, чего он, такой умный, не заметил. Давай, давай, Хан, понапрягай мозги.

Но напрягаться слишком он не желал. Посмотрев еще раз на меня, рыкнул Бурому:

– Пошли.

Бурый тяжело вздохнул. Судя по всему, он все это время надеялся, что его пригласят к столу, ну хотя бы позволят выпить граммов пятьдесят. Но Хан держал Бурого, что называется, в кулаке.

В прихожей Хан остановился и обернулся:

– И вот что, Виртуоз. Я уже говорил, у меня очень мало времени. Поэтому больше одного дня дать тебе не могу.

Не дожидаясь моего ответа, он вышел из квартиры. Следом за ним – Бурый, недовольно, громко хлопнув за собой дверь.

Я хмыкнул. Хорошо хоть, Хан не стал вновь угрожать. И на том спасибо.

Я облегченно вздохнул, будто освободился от невероятно тяжелого груза, давившего мне на плечи, и обернулся к Армену. Этот джигит не стал терять времени. Как только Хан исчез, он тут же бросился к столику и потянулся к водке.

Я остановил его, когда бутылка была на полпути к стакану.

– А ну поставь на место!

Армен замер и удивленно посмотрел на меня.

– Ты чэго, а?

– Поставь бутылку на место, я сказал, – повторил я свой приказ.

– Зачэм кричишь, да? Армэн голова болит. Нужно нэмого алкоголь.

– Нужно меньше пить.

– Отвали от стола, я тебе сказал. У нас сегодня очень много работы. Ты будешь за рулем.

– А-а, – вмиг смекнул Армен и невольно сник. – Поедём Пэтровка, да?

Вспомнил наш вчерашний рейд. Что ж, туда нам тоже не мешало заехать.

Я набрал номер рабочего телефона майора Довлатова, не особенно надеясь, что застану бывшего шефа на месте. Однако он поднял трубку и бодро назвал. После того, как назвал и я, Довлатов пробурчал что-то нечленораздельное, из чего я заключил: мой звонок не очень согревает ему душу. Встретиться у себя в управлении он наотрез отказался, ссылаясь на обстоятельства, и предложил альтернативу: на Новопесчаной через полчаса. Времени у меня было, что называется, впритык, чтобы добраться от моего дома до означенного места. Но я согласился. Позже, может, не получится увидеться с майором.

Положив трубку, я подскочил к столу, отыскал на нем еще одну каким-то чудом недопитую бутылку, налил себе стопку кристально чистой, одним глотком пропустил животворящую жидкость внутрь и довольно крикнул. Армен жадно наблюдал за мной и едва не со слезами на глазах проводил вылившуюся в мою глотку водочку.

– Слышь, да. Мы вэдь друзья, а? – он с мольбой, как будто от меня зависела сама жизнь его, глядел в мою сторону.

– Вот еще! – хмыкнул я. – В этом деле я сам по себе. Так что зря сопли не распускай, разворачивайся и побежали. Опаздывать нам – никак.

И я первым двинулся к выходу, прихватив перед этим лупу.

4

Мы встретились возле киоска-гриля, от которого едва не на версту исходил аппетитнейший запах доходящих до кондиции цыплят. Рядом, в домике-прицепе на колесиках, готовились хот-доги. Тут же стояли три круглых столика. Пока они пустовали. Один из них мы с Довлатовым и заняли.

Довлатов подъехал к месту встречи со мной на «уазике». Я знал повадки майора и понял, что в машине находятся несколько ребят моего бывшего командира. Куда собирался Довлатов, мне было неизвестно, да и знать об этом не хотелось. Но, видимо, он не располагал лишним временем, потому как, закулив свою традиционную «беломорину», предупредил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.